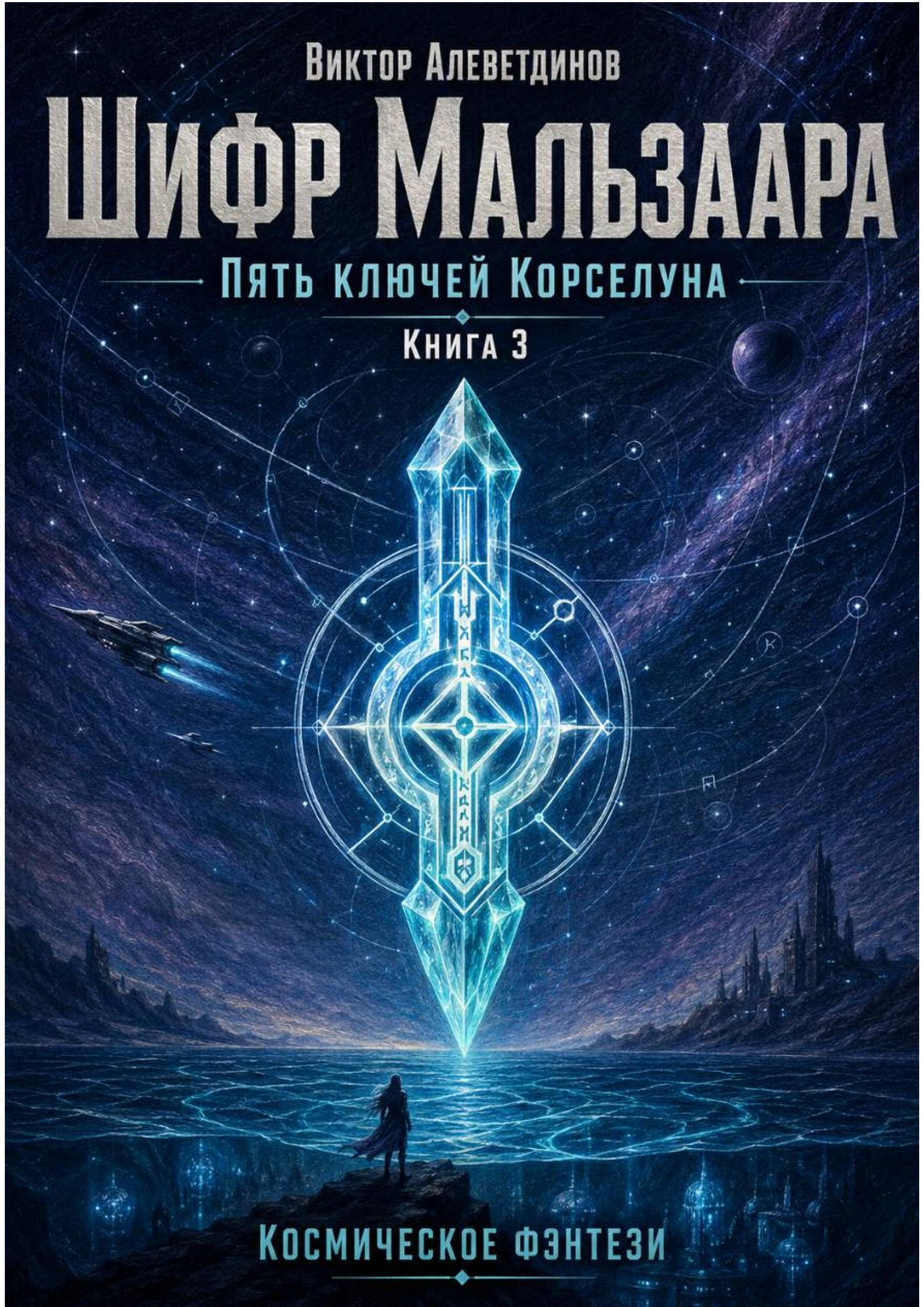

ВИКТОР АЛЕВЕТДИНОВ

ШИФР МАЛЬЗААРА

ПЯТЬ КЛЮЧЕЙ КОРСЕЛУНА

КНИГА 3

КОСМИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Виктор Алеветдинов

**Книга 3. Пять ключей
Корселуна. Шифр Мальзаара**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Книга 3. Пять ключей Корселуна. Шифр Мальзаара /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Мир Корселуна снова стоит на грани. После событий Карасса Ария Целестина несёт в себе Голос погибшего сектора и второй ключ — опасное знание, которое хотят запереть, купить или превратить в оружие. Федерация Люмира видит в ней угрозу, Вейран — ценный ресурс, Орден Белой Зари — неудобную правду, а древняя Мальзаара уже начала читать тех, кто ищет её. Чтобы открыть третий ключ, Арии, Дариусу Харрану и Лире Вехн предстоит пройти через Ксар-Рах, глубины Ривериона и память миров, где старые ошибки до сих пор дышат под водой. Но Мальзаара — не место и не артефакт. Это шифр, который проверяет не силу, а право не владеть. «Шифр Мальзаара» — третья книга цикла «Пять ключей Корселуна»: космическое фэнтези о долге, памяти, предательстве и выборе, от которого зависит будущее всей Корселунской дуги.

© Алеветдинов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Следы без алфавита	5
Глава 1. Слушание после Карасса	5
Глава 2. Контур, который должен был защитить	11
Глава 3. Формула без букв	17
Глава 4. Патент на спасение	23
Глава 5. Ксар-Рахский осколок	29
Глава 6. Голос, которого не должно быть	35
Глава 7. Карта, которая отказалась быть картой	41
Глава 8. Приказ на задержание	47
Глава 9. Слепой переход	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Виктор Алеветдинов

Книга 3. Пять ключей

Корселуна. Шифр Мальзаара

Часть I. Следы без алфавита

Глава 1. Слушание после Карасса

Свет над столом мигнул, и Ария поняла, что контур безопасности снова проверяет её голос. Ладонь лежала на холодной панели. Под кожей ещё жил слабый жар Карасса, будто тёмный светоч не отпустил её даже после выхода из сектора.

Зал был небольшим, но его сделали так, чтобы человек внутри чувствовал себя лишним. Серые стены без окон, четыре места комиссии напротив, два охранных поста у двери, медицинский сканер в углу. Сканер не шумел, только каждые несколько вдохов выводил строку: голосная рана активна.

Ария смотрела на эти слова дольше, чем надо. Комиссия видела в этих словах риск, а не живого человека.

В стенах не было щелей для звука. Всё, что произносили в зале, становилось записью. Даже паузы здесь выглядели как показания.

Она не знала, видит ли это комиссия. Скорее всего, видит. Здесь замечали всё, кроме главного: Карасс не оставил ей удобного знания. Он оставил долг, который нельзя передать в архивную ячейку и забыть до следующего заседания.

И всё равно она не собиралась отдавать этот долг тем, кто называл страх порядком.

— Подтвердите состояние второго ключа, — сказал федеральный куратор Мерен. Перед ним лежал проект решения, Ария это видела по закрытой вкладке с красной рамкой. — Вы сохраняете связь с Голосом Карасса?

— Я сохраняю последствия связи, — ответила Ария. — Это не одно и то же.

— Для протокола это одно и то же.

— Тогда протокол плохо слышит.

За прозрачной перегородкой Лейла Тран тихо кашлянула. Похоже, она прятала улыбку. Один из охранников посмотрел на неё, но Лейла тут же сделала вид, что поправляет манжет.

Ария поймала себя на том, что считает мигания лампы. После Карасса она часто считала вещи, которые не имели смысла: вдохи, шаги охраны, секунды между чужими голосами в голове. Так было легче не потерять собственный голос.

Мерен провёл пальцем по столу. На панели вспыхнула запись: тёмно-красное сияние Карасса, обломки кораблей, разрыв кольцевого маршрута. Звук был отключён, но Ария услышала его внутри.

Тяжёлый вдох. Удар по металлу. Чужой голос.

Левый борт открыт. Не закрывайте канал. Передайте им, что мы не мятежники...

Ария резко убрала ладонь со стола. Сканер коротко пискнул. Охранники шагнули ближе. Дариус Харран стоял у правой стены. Он не повысил голос, но оба охранника остановились.

— Запись убрать.

Сайра Рут посмотрела на него с места сбоку. Её лицо было спокойным.

— Генерал Харран, вы здесь как свидетель. Комиссия сама выбирает материалы.

— Материал должен помогать слушанию, а не добивать рану.

Мерен поднял ладонь. Запись исчезла. На столе осталась схема Голоссети Карасса с тремя тёмными разрывами.

— Госпожа Целестина, во время финального контакта вы получили не только голосовой след, но и структуру второго ключа. Нам нужно понять, можно ли отделить этот ключ от вас.

— Отделить?

— Мы обязаны рассмотреть все варианты.

— Вы говорите обо мне как о контейнере.

— Мы говорим о безопасности миров Дуги.

— Нет. Вы спрашиваете, можно ли вынуть из живого человека часть памяти и положить её в хранилище Люмира.

— Если эта память способна вызвать массовый голосовой откат, мы не можем игнорировать угрозу.

— Тогда начните с простого. Не включайте мне Карасс посреди допроса.

Лейла снова кашлянула, громче. Архивная контролёрша с серебряным знаком на вороте повернулась к ней.

— Госпожа Тран, ваше участие находится на границе допуска.

— Я не вмешиваюсь, — сказала Лейла. — Я дышу. Надеюсь, это ещё не требует санкции комиссии.

Мерен открыл документ с красной рамкой.

Протокол сдерживания. Временный режим. Ограниченный допуск. Контроль личных каналов.

Ария прочитала первые строки и поняла, что заседание не искало правду. Решение лежало в системе. Комиссии нужно было только подобрать к нему правильные слова.

— Вы решили ограничить меня, — сказала она.

— Мы рассматриваем защитный режим.

— Защитный для кого?

— Для вас и для связанных с Карассом узлов.

— Удобно. Все защищены, кроме тех, чьи голоса вы только что включали.

Сайра слегка подалась вперёд.

— Ты принесла из Карасса нестабильный источник правды. Сегодня через тебя отвечает один погибший. Завтра может заговорить целый мёртвый канал. Если это выйдет в открытую Голоссеть, мы получим не расследование, а панику.

— Значит, меня надо закрыть.

— Значит, нельзя дать Вейрану, Ардину или старым синенским кругам сделать из тебя знамя.

Ария сжала пальцы на краю стола.

— Я не просила быть знаменем.

— Знамёна редко спрашивают разрешения.

Дариус шагнул от стены.

— В протоколе нет основания для изоляции гражданского лица. Голосная рана не равна преступлению. Ключ голоса не является собственностью Люмира.

Архивная контролёрша наклонилась к экрану.

— Генерал Харран, вы подтверждаете, что вывели госпожу Целестину из зоны боевого анализа без полной санкции комиссии?

— Подтверждаю.

— Вы понимали риск?

— Я понимал, что человек с голосной раной должен попасть к врачу, а не в комнату, где ему включают последние минуты погибших.

— Ваши действия могут быть оценены как содействие несанкционированному доступу.

— Оцените. Только запишите причину полностью.

— Дариус, — тихо сказала Ария.

Он повернулся. Взгляд у него был обычный, рабочий. Только левая рука была сжата сильно.

— Я рядом.

Ария перестала цепляться за стол.

Мерен сделал пометку.

— Запишите: эмоциональная стабилизация носителя после контакта с генералом Харраном.

— Запишите ещё, что мне помогает нормальная еда, — сказала Ария. — Это расширит разговор.

Лейла не выдержала и рассмеялась. Охранник у перегородки поднял руку к панели блокировки.

— Госпожа Тран, последнее предупреждение, — сказала Сайра.

— Я как раз к последнему и готовилась.

Лейла подняла ладонь. На запястье вспыхнул маленький передатчик, спрятанный под тканью. Контур безопасности сжал сигнал на первом импульсе, но Ария успела увидеть строку на боковом экране.

Карасс не конец войны. Охота за Корселуном началась.

— Вы нарушили режим закрытого слушания, — сказала архивная контролёрша.

— Да. Зато теперь мы честно называем вещи. Вы не слушаете Арию. Вы решаете, как спрятать её до тех пор, пока Вейран не предложит вам удобную упаковку для того же страха.

— У вас нет доказательств участия Вейрана.

— У меня есть заявки на пороговую матрицу, поданные раньше официального обнаружения второго ключа.

Эта фраза изменила зал. Мерен не пошевелился, но его палец остановился над панелью. Сайра посмотрела на Лейлу иначе.

Ария почувствовала, как в горле поднимается чужой холод. Он шёл из глубины Голоса Карасса, где хранились последние минуты людей, не успевших договорить.

Вейран не ждал. Вейран считал.

Она закрыла рот ладонью, но голос всё равно вышел. Низкий, рваный, с хрипом человека, который вдыхал дым в разгерметизированном отсеке.

— Они знали маршрут до боя. Они знали, где порвётся кольцо. Не отдавайте им третий...

Слово оборвалось. Сканер взвыл. Охрана взяла оружие на изготовку. Дариус оказался между ними и Арией так быстро, что ближний охранник отступил сам.

— Медицинский режим, — приказала Сайра. — Без фиксации, если она слышит нас.

— Она слышит, — сказал Дариус.

Ария согнулась над столом. Горло болело так, будто она проглотила раскалённую проволоку. На поверхности панели мелькнул знак, но контур безопасности разбил его на серые квадраты.

— Я сама могу ответить, — выдохнула она.

Дариус наклонился ниже. Он не взял её за руку, не дал комиссии новой пометки для отчёта. Заслонил от света над столом.

— Тогда отвечай коротко.

Она выпрямилась. Чужой голос отступил, но не ушёл совсем.

Мерен смотрел без прежней вежливости.

— Вы подтверждаете произвольный голосовой прорыв?

— Подтверждаю.

— Можете гарантировать, что подобное не повторится?

— Нет.

Дариус чуть повернул голову, но промолчал.

— Я не могу гарантировать, что Голос Карасса замолчит, — сказала Ария. — Но могу гарантировать другое. Я не отдам его Вейрану, Ардину, Федерации Люмира или Дому Синен. Он не трофей.

— Вы не в положении распределять права на стратегический фактор, — сказала контролёрша.

— Я и не распределяю. Я говорю, что мёртвые не становятся имуществом живых только потому, что живым страшно.

Охранник снял передатчик с руки Лейлы. Перед тем как устройство погасло, Ария заметила маленький зелёный огонёк. Сигнал не вышел в открытую сеть. Зато ушёл внутрь закрытого контура.

— Смешно, — сказала Лейла охраннику. — Система безопасности стоит как малый корабль, а фиксатор заедает.

— Молчите.

— Вот теперь похоже на закрытое заседание.

У Арии на браслете вспыхнула точка входящего пакета. Система комиссии тут же заблокировала сообщение, но точка осталась на внутреннем медицинском слое. Значит, отправитель знал, как обойти контур.

Лира Вехн.

Ария не открыла пакет сразу.

— Я хочу задать вопрос, — сказала Ария.

Мерен насторожился.

— Вы отвечаете на вопросы комиссии.

— Один мой вопрос не разрушит Федерацию Люмира.

— Формулируйте.

Ария коснулась браслета, но не открыла пакет. Ей нужно было выиграть несколько секунд, чтобы система решила: сообщение медицинское и неопасное.

— Что вы хотите от меня? Не в формулировке для отчёта. Сейчас.

— Мы хотим, чтобы ты не стала причиной распада, — сказала Сайра.

— Это честнее.

— Честность не делает риск меньше.

— Но хотя бы не притворяется заботой.

Дариус тихо произнёс её имя, но Ария открыла пакет. На браслете появилась неровная схема из знаков. Сначала они выглядели как обломки старого алфавита, потом начали менять форму. Один знак стал похож на волну, другой — на срез кристалла, третий — на закрытый глаз.

Под схемой появилась строка Лиры.

Запрещённая расшифровка. Не открывать в присутствии люмирского контура. Если открыла — поздно, извини.

Следующая строка вспыхнула ярче, и контур безопасности наконец понял, что его обманули.

Мальзаара в старых записях названа не храмом. Термин ближе к языку Порога. Это не место поиска. Это способ чтения.

Стол перед комиссией загорелся тревогой. Контролёрша вскочила. Два охранника повернулись к Арии, но Дариус снова встал на линии между ними.

— Руки убрали, — сказал он.

— Несанкционированное сообщение! Закрыть браслет, изъять носитель, отключить канал!

— Попробуйте изъять ей руку, — сказал Дариус. — Это будет понятный пункт в вашем отчёте.

Ария не слушала их полностью. Она смотрела на знаки. Они не складывались в карту, не давали координат, не обещали путь. От них шло ощущение вопроса, который наконец задан правильно.

В горле снова шевельнулся Голос Карасса. Теперь он не говорил вслух. Он только отдал ей чужую последнюю мысль: третий ключ нельзя держать одному. Один читатель всегда превращает шифр в приказ.

Ария закрыла браслет ладонью. Комиссия увидела главное слово.

Мальзаара.

Мерен медленно поднялся.

— Госпожа Целестина, до завершения экспертизы Голоса Карасса и проверки полученного сообщения вы переводитесь в режим временного ограничения перемещений. Сектор допуска — медицинский блок, охраняемый коридор и зал повторных слушаний. Все внешние контакты через комиссию. Все личные каналы под контроль протокола сдерживания.

— Вы называете это временным?

— До снятия риска.

— Риск не снимают замком. Его переносят за закрытую дверь.

Сайра подписала приказ.

Дариус подошёл к столу.

— Я подаю возражение от имени военного командования сектора.

— Ваше возражение принято и будет рассмотрено.

— Вы даже не знаете его текст.

— В текущей ситуации это не влияет на ограничительный режим.

— Значит, вы принимаете видимость процедуры.

Мерен не ответил. Приказ ушёл в контур. У двери изменился свет, замки перешли на другой режим. На браслете Арии погасли обычные каналы. Остался медицинский пульс и серый значок комиссии.

Лейлу вывели первой. Перед дверью она успела обернуться.

— Ария, если они скажут, что делают это ради твоего спокойствия, не верь. Ради спокойствия приносят чай, а не двух охранников.

— Госпожа Гран, выйти.

— Видите? Без чая.

Дверь закрылась за ней.

Сайра подошла ближе.

— Я не хочу видеть тебя в клетке, — сказала Сайра.

— Но подпись поставила.

— Да.

— Тогда не делай вид, что это не клетка.

Сайра приняла удар без ответа. Потом посмотрела на Дариуса.

— Не ломай этот режим сегодня. Ты только подтвердишь худшую версию комиссии.

— А если завтра будет поздно?

— Тогда завтра скажешь, что я была права. Сегодня я удерживаю узлы от паники.

— Узлы не люди, Сайра.

— Люди умирают, когда узлы падают.

Ария устала слушать, как все правы. Люмира боялась паники. Ардин боялся нового трона. Вейран считал Порог будущим активом. Орден молчал так долго, что его молчание стало отдельной силой.

Мальзаара переставала быть старым названием из запрещённого архива. Она входила в комнату без тела: через знак на браслете и чужой голос в горле Арии.

Сканер снова вывел строку: голосная рана активна.

Ария накрыла браслет ладонью. Она не могла доказать комиссии, что не станет новой хозяйкой Корселуна. Это нельзя было доказать словами. Можно было только раз за разом не брать то, что все пытались либо отнять, либо вручить.

— Записывайте, — сказала она.

Секретарь поднял глаза.

— Что именно?

— Носитель Голоса Карасса отказывается передавать ключ любой фракции до установления природы третьего доступа.

Мерен медленно сел обратно.

— У вас нет полномочий объявлять такие условия.

— Зато у меня есть ключ, который вы не можете вынуть без риска. Вы сами это зафиксировали.

Никто не нашёл быстрого ответа. У Арии остался маленький кусок свободы, который ещё не успели оформить в приложение к протоколу.

На браслете под её ладонью снова вспыхнуло сообщение Лиры. Контур безопасности резал строки и забивал их помехами, но последняя фраза прошла полностью. Ария увидела фразу. Зал стал проще: перед ней был чужой приказ, рядом стоял Дариус, а слово Мальзаара читало их всех.

Мальзаара не место. Мальзаара читает того, кто её ищет.

Глава 2. Контур, который должен был защитить

Дариус получил приказ через семь минут после того, как дверь зала закрылась за Арией. Приказ пришёл на внутренний флотский канал, хотя в шапке стояла гражданская комиссия.

Он стоял в коридоре люмирского контура безопасности и читал документ не с начала, а с середины. Так быстрее находились слабые места. Заголовки всегда были красивыми: предотвращение паники, временный режим, защита гражданского лица. Настоящий смысл прятался ниже, в пунктах про допуск и право на перемещение.

В третьем пункте Ария называлась носителем нестабильного голосового следа. В пятом — объектом особого наблюдения. В седьмом появилась формулировка, из-за которой Дариус остановился.

Живой интерфейс предпорогового риска.

Он усмехнулся без радости. Вот так Люмира умела менять людей на удобные слова. Гражданка становилась носителем. Носитель — интерфейс. А с интерфейсом можно было делать всё, если рядом стоял врач и человек с печатью комиссии.

За прозрачной стеной двигались тени охраны. Ария находилась в медицинском блоке. Формально — для наблюдения. Фактически — за дверью, которую нельзя было открыть без трёх подтверждений.

Дариус провёл пальцем по нижней строке приказа: «Генералу Харрану обеспечить недопущение перемещения объекта за пределы охраняемого сектора до завершения экспертизы Голоса Карасса».

Он снял копию приказа и только после этого подтвердил получение. Подтвердить не значило выполнить.

Сайра Рут ждала его в соседнем отсеке. Она стояла у стола с водой, но стакан не трогала. На ней был серый адмиральский китель без парадных знаков. После Карасса блестящие детали плохо смотрелись рядом со списками погибших.

— Ты получил приказ, — сказала она.

— Получил документ с плохой формулировкой.

— Не начинай.

— Я ещё не начинал. Я только прочитал.

Сайра повернулась к нему. Усталость делала её лицо старше, но не мягче.

— Если Ария выйдет из сектора сейчас, комиссия объявит её неконтролируемым доступом. После этого каждый узел Дуги получит право закрыть перед ней маршрут.

— Значит, не надо писать в приказе слово, которое делает из неё вещь.

— Я не писала этот приказ.

— Но подписала.

Сайра сжала губы.

— Я подписала режим, который не даёт комиссии отправить её в центральную изоляцию.

Поэтому и держу её здесь, а не на главном узле.

Дариус молчал. Это было похоже на правду. Неприятную, но правду.

— Тогда дай мне медицинский коридор к кораблю, — сказал он. — Ей нужна расширенная проверка гравиполя.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты используешь коридор не для проверки.

— Я использую любую щель, если приказ опасен.

Сайра подошла ближе.

— Если ты выведешь её, потеряешь командование. Комиссия ищет повод объявить тебя соучастником.

— Они начали искать его до того, как я вышел из зала.

— Да. И ты помогаешь им быстрее.

Дариус посмотрел через прозрачную стену. Два техника меняли маркер допуска на дверях медицинского блока. Старый маркер был синим. Новый — бело-серым, с правом принудительной блокировки.

— Ты правда думаешь, что она сорвётся? — спросил он.

— Я думаю, что если через неё снова заговорит Карасс в открытой Голоссети, сотни миров услышат не правду, а собственный страх. Потом Ардин обвинит Федерацию Люмира. Вейран предложит защиту каналов. Независимые системы начнут закрывать кольца.

— И чтобы этого не случилось, вы запираете единственного человека, который знает, что Вейран рядом.

— Мы не знаем, что это Вейран. Лейла дала обрывок, его нужно проверить.

— Пока вы проверяете, они будут действовать.

Сайра провела ладонью по краю стола.

— Я не враг Арии.

— Я знаю.

— Тогда услышь меня. Если ты сломаешь режим сейчас, ты сделаешь её беглянкой. Люмира умеет прощать ошибки, но не любит, когда её заставляют выглядеть слабой.

— Люмира сейчас выглядит не слабой, а испуганной.

— Испуганные государства опаснее слабых.

На браслете Дариуса вспыхнул вызов из докового сектора. Значок был технический, но шёл личным кодом его корабля.

— Харран, — ответил он.

Голос старшего механика Талена прозвучал через экранированный канал:

— Генерал, у нас запрос на замену гравиядра малого корабля «Тайр». В документах стоит ваш допуск.

Дариус посмотрел на Сайру. Она поняла, что разговор закончился.

— Я не давал такого допуска.

— Я так и подумал. Техник в доке. Говорит, срочная стабилизация после Карасса.

— Не трогать его. Заблокировать внешний шлюз. Без тревоги.

— Принято.

— Что случилось? — спросила Сайра.

— Проверим, насколько хорошо комиссия защищает охраняемый сектор.

— Дариус.

— Я не вывожу Арию. Я иду в док. Это пока не запрещено.

Он вышел. Сайра пошла рядом. При ней охрана не начнёт стрелять от испуга. Зато она увидит всё, что он делает.

Доки находились на нижнем уровне. Дариус выбрал лестничный ход. Лифты писали маршрут. Лестница писала только открытие двери.

Малый корабль «Тайр» стоял в закрытом боксе рядом с ремонтной платформой. После Карасса его должны были проверить, но не трогать гравиядро без личного приказа командира. Если поставить в ядро отслеживаемую вставку, корабль мог уйти хоть в кольцевую тень, но его всё равно увидели бы те, кто знал метку.

Вход в док встретил их запахом нагретого металла. За прозрачной стеной стоял «Тайр» с узким корпусом и следами карассовой пыли в швах. Тален ждал у панели.

— Техник внутри, — сказал он. — Вёл себя уверенно. Уверенно для человека с поддельным допуском.

— Имя?

— Реван Кост. У нас такого нет.

— Оружие?

— Инструменты. Но после Вейрана я бы и ложку проверял как заряд.

Сайра подняла бровь.

— У вас тяжёлый опыт общения с ложками?

— С адмиралами тоже, но я держусь, — сказал Тален.

— Открывай внутренний звук.

В динамике пошёл шум дока. На экране техник в серой ремонтной куртке стоял у раскрытого кожуха гравимотора. Он двигался спокойно, без спешки. На рабочем лотке лежала вставка гравиядра. С виду штатная. Только один край блестел иначе.

— Вейранский сплав? — спросил Тален.

— Похож.

— Могу закрыть кожух аварийным зажимом. Ему придавит руки.

— Не надо. Руки ещё пригодятся для допроса.

Сайра посмотрела на него резко.

— Без самодеятельности.

— Тогда задержите его официально.

— Для задержания нужно основание.

Тален тихо хмыкнул.

— Человек с поддельным допуском копается в гравиядре охраняемого корабля. У нас теперь это спорная ситуация?

Сайра не ответила. Дариус открыл внутренний канал дока.

— Реван Кост, отойдите от гравимотора и положите инструмент на пол.

Техник замер. Правая рука осталась у лотка, рядом со вставкой.

— У меня срочный ремонтный допуск. Задержка создаст риск для объекта охраняемого сектора.

— Какого объекта?

Пауза длилась меньше секунды, но Дариусу хватило.

— Уточните по заявке, — сказал техник.

— В заявке нет объекта. Есть поддельная подпись. Руки на виду.

Техник бросил вставку в открытый кожух.

Дариус ударил ладонью по панели ручного сброса. Тален одновременно закрыл силовой отсек. В боксе вспыхнул аварийный свет. «Тайр» дёрнулся на креплениях, гравимотор коротко загудел и замолчал. Техник рванул к боковому люку, но люк не открылся.

— Хороший корабль, — сказал Тален. — Не любит чужих.

Они вошли в бокс через нижний проход. Техник снял панель у кабельного канала. Дариус не стал звать его второй раз. Он шагнул через разбросанные инструменты, поймал техника за плечо и ударил о край платформы так, чтобы выбить дыхание.

Техник оказался быстрым. Он полоснул коротким резакком по рукаву Дариуса и попытался ударить в горло. Дариус ушёл плечом, перехватил запястье и вжал кисть в горячий кожух. Резак выпал.

— Больно? — спросил Тален из-за спины. — Это ремонт. Терпи.

Дариус завёл технику руку за спину и прижал его к платформе.

— Имя.

— Реван Кост.

— Настоящее.

— Реван Кост.

Дариус поднял с пола инструментальный ключ. На внутренней стороне рукояти мигнула маркировка: три вложенных угла, знак закрытого лабораторного пояса Вейрана. Он показал ключ Сайре.

— Основания достаточно?

Сайра поднесла инструмент к браслету. Сканер выдал строку: «производитель не определён». Маркировка дрогнула и расплылась. Через секунду на рукояти остался обычный номер люмировского склада.

Тален выругался тихо, но с чувством.

— Голосовой морок, — сказал Дариус.

— На инструменте? — спросила Сайра.

— На метке. Стирает то, что видит официальный сканер. Глаз успеваешь, система — нет.

Техник улыбнулся щекой, прижатой к металлу.

— У глаза нет доказательной силы, генерал.

— Зато у сломанного допуска есть. И у попытки поставить чужую вставку в гравиядро.

Тален доставал вставку из кобуха щипцами. Она была повреждена сбросом, но не уничтожена. На боку виднелась тонкая линия маяка.

— Штатная, — сказал Тален. — Если штатно хотите, чтобы корабль светился на чужой карте.

Свет в доке мигнул. Из динамика раздался треск, потом голос, похожий на голос Дариуса, сказал:

— Подтверждаю замену гравиядра. Допуск Харран-один. Медицинский маршрут готовить к выводу объекта.

Все замерли. На экране вспыхнул его код — безупречно подделанный.

— Генерал, я этого не принимал, — сказал Тален.

— Знаю.

Голос повторил:

— Подтверждаю замену. Объект вывести через доковый коридор.

Сайра шагнула к панели и сорвала канал вручную. В доке стало тихо, но приказ успел уйти в систему. На боковом экране загорелось уведомление: «Медицинский блок получил маршрут перемещения».

Дариус передал техника Талену.

— Вот теперь у них есть повод, — сказала Сайра.

— У них был повод. Теперь у нас есть доказательство, что повод сделали за нас.

— Доказательство только что говорило твоим голосом.

— Поэтому надо действовать быстрее, чем комиссия поймёт, как удобно это выглядит.

— Ты сейчас сделаешь ровно то, чего от тебя ждут. Пойдёшь к Арии, сломаешь блокировку, выведешь её через док.

— А если не пойду, её выведут по этому маршруту те, кто его подготовил.

— Я закрываю медицинский блок.

Она вызвала охрану. На экране появилась красная отметка: блок не отвечает. Потом вторая: внутренний контур перешёл в режим технического обслуживания.

Тален присвистнул.

— Сначала подделали голос, потом открыли маршрут, потом выключили замок через ремонтный режим. Если бы не хотели украсть живого человека, я бы похвалил.

Дариус шёл к выходу из бокса.

— Тален, вставку в изолятор. Техника связать, но не бить.

— Жаль, но понял.

— Сайра, закрой доковый коридор.

— Ты не получишь мой код.

— Тогда сама закрой.

Она задержалась на секунду. Потом ввела допуск. Коридор между медицинским блоком и доком погас на схеме.

— Двенадцать минут, — сказала она. — Потом комиссия увидит моё вмешательство.

— Мне нужно пятнадцать.

— На что?

— На проверку малого корабля.

— Нет.

— В приказе сказано не выпускать Арию из охраняемого сектора. «Тайр» стоит внутри сектора. Проверка гравиядра после попытки замены обязательна. Если корабль не проверен, сектор не защищён. Если сектор не защищён, режим комиссии сам нарушает требования безопасности.

— Ты собираешься спрятать побег в техническую инспекцию.

— Я собираюсь провести техническую инспекцию.

— Дариус.

— Вейран или те, кто работает его методами, вошли в закрытый док, подделали мой голос и попытались получить маршрут к медицинскому блоку. Если мы оставим Арию в комнате с одним предсказуемым выходом, мы не защищаем её. Мы кладём её на стол.

Сайра не ответила сразу.

— Двенадцать минут, — сказала она. — На инспекцию. Не на освобождение.

— Конечно.

— Если ты уйдёшь с ней, я не смогу прикрыть тебя.

— Я знаю.

— Ты потеряешь командование.

— Возможно.

— Не делай вид, что тебе всё равно.

Дариус посмотрел на «Тайр». Малый корабль стоял с раскрытым кожухом, но двигатель был цел. Гравиядро требовало проверки, а проверка требовала присутствия человека с живым доступом к последствиям Карасса. Формально — Арии. Законно. Достаточно.

— Мне не всё равно, — сказал он. — Сейчас командование не важнее человека.

Сайра отвернулась к панели.

— Я этого не слышала.

Он открыл служебный бланк и начал заполнять заявку на аварийную инспекцию. В графе «основание» написал: «попытка несанкционированной замены гравиядра с применением голосового морока». В графе «цель» — «проверка безопасности охраняемого сектора». В графе «необходимое лицо» поставил имя Арии Целестины и добавил формулировку комиссии: живой интерфейс предпорогового риска.

Неприятное слово можно было обратить против тех, кто его придумал. Если Ария интерфейс риска, значит, без неё нельзя подтвердить, что риск снят.

Тален заглянул в бланк через плечо.

— Красиво. Противно, но красиво.

Сайра ввела временную подпись. Не полную санкцию, только технический допуск к осмотру. Этого хватало на первый замок. На второй нужен был медицинский код. На третий — сопровождение комиссии. Если комиссия не успеет назначить сопровождающего, сопровождение обеспечивает дежурный офицер безопасности. То есть сам Дариус.

Система приняла заявку не сразу. Потом выдала зелёную строку: «Аварийная инспекция разрешена. Маршрут: медицинский блок — доковый сектор. Сопровождение: генерал Дариус Харран. Время допуска: двенадцать минут».

Дариус сохранил копию на внешний кристалл. Потом снял с пояса старый флотский жетон и передал Талену.

— Если мой доступ погаснет, откроешь «Тайр» по аварийному каналу.

— А если меня спросят, почему я это сделал?

— Скажешь, настоящий генерал стоял перед тобой и выглядел хуже своего голоса.

Тален кивнул.

Дариус пошёл к выходу. Сайра догнала его у двери бокса.

— Последний раз спрашиваю. Ты правда хочешь перейти эту линию?

Он остановился. За дверью включались огни маршрута к медицинскому блоку. Бело-серые, с комиссионным знаком. Тот самый контур, который должен был защитить, стал удобной дорогой для чужого плана. Теперь Дариус собирался пройти по нему первым.

— Нет, — сказал он. — Но линия перешла нас.

Сайра сняла с браслета малый ключ временного допуска и передала ему.

— Верни его через двенадцать минут.

— Верну.

— Вместе с Арией?

Дариус убрал ключ в ладонь.

— Сначала проведу инспекцию.

— Ты ужасно врешь.

— Я не вру. Я не договариваю.

— Это хуже.

— Зато юридически чище.

Он вышел в коридор. Перед ним одна за другой загорались секции маршрута. В конце пути была Ария, заблокированная в медицинском блоке под видом заботы. За спиной оставался «Тайр» с открытым гравимотором, пойманный диверсант и вставка, которая должна была сделать любой побег видимым для чужих глаз.

Дариус открыл на браслете новую заявку и начал оформлять инспекцию так, чтобы ни один пункт не выглядел как побег. В Люмира дверь редко открывалась силой. Чаще её открывала правильно поставленная подпись.

Сегодня подпись должна была вывести их из-под надзора.

Глава 3. Формула без букв

Лира Вехн работала за узким столом, который раньше служил для проверки медицинских контейнеров. После Карасса нормальных лабораторий всем не хватало, поэтому древние следы Корселуна лежали рядом с коробкой стерильных перчаток.

Перед ней светились три источника. Слева — знак Нивендры, снятый с первого ключа Арии. В центре — голосовой фрагмент Карасса, вырезанный из последнего прорыва Голос-сети. Справа — кристаллическая формула Ксар-Раха, полученная из старого слепого архива Ордена.

Три следа. Три разных языка. Ни одной буквы.

Лира запустила сравнение. Знак Нивендры пошёл по экрану ровной линией, потом рассыпался на углы. Голос Карасса не стал линией. Он поднялся тёмным пятном и начал давить на остальные данные. Формула Ксар-Раха сначала совпала с двумя источниками, потом изменила ось и дала результат, который прибор назвал невозможным.

Лира не удивилась. За последние сутки невозможное стало самым дисциплинированным участником работы. Оно хотя бы появлялось вовремя.

Она сняла блокировку с ручного режима.

— Живой расчёт, малый цикл. Без записи в общий архив.

Модуль щёлкнул.

«Запрос требует подтверждения старшего хранителя».

— Старший хранитель сейчас делает вид, что не знает меня. Подтверждаю сама.

«Недостаточно прав».

— Разумеется. Когда надо молчать перед комиссией, прав хватает. Когда надо спасти людей, права внезапно худеют.

Она достала белый жетон. Перед закрытым совещанием наставник сунул его ей в руку и сказал:

— Если архив начнёт врать, не спрашивай разрешения.

Лира приложила жетон к модулю. Тот подумал, мигнул красным и сдался.

«Малый цикл открыт. Время доступа — девять минут».

На экране появилась новая сетка. Лира внесла знак Нивендры. Прибор прочёл его как родовой доступ Дома Синен. Она внесла голос Карасса. Сетка выгнулась, и в центре возникла короткая фраза: «долг мёртвого канала».

Потом Лира подключила формулу Ксар-Раха.

Экран погас.

Стол под источниками дрогнул. По панели прошла синяя трещина света. Лира успела отдернуть руки, прежде чем трещина сомкнулась в новый знак. Он не повторял ни Нивендру, ни Карасс. В нём было что-то от волны, но прибор упрямо назвал это ошибкой геометрии.

— Конечно. Всё, что умнее прибора, у нас ошибка.

Она попыталась сохранить знак. Модуль выдал пустой файл. Лира повторила. Снова пусто. На третий раз знак изменился и стал похож на срезанный кристалл.

Лира достала графитовую пластину для полевых заметок и быстро зарисовала знак от руки. Линия на пластине поползла и стала другой.

Лира медленно положила карандаш.

— Хорошо. Ты не изображение. Тогда что ты?

За дверью раздался короткий стук, и в отсек вошёл Дариус. С ним была Ария. На браслете горел серый знак комиссии, рядом — временный флотский допуск.

Ария держалась прямо, но голосная рана оставила след. Она берегла горло и говорила только тогда, когда это было нужно.

— У вас двенадцать минут? — спросила Лира.

— Девять, — ответил Дариус.

— Прекрасно. Будем работать быстро, а паниковать потом.

Ария посмотрела на экран.

— Это то, что ты прислала мне на слушание?

— Это то, что я не должна была присылать тебе на слушание. Разница важна для будущего обвинения.

— Лира.

— Да, это оно. Только теперь знак не хочет записываться и меняется, когда я пытаюсь его зафиксировать.

Дариус закрыл дверь и поставил на панель свой временный ключ.

— Комиссия думает, что мы проводим аварийную инспекцию гравиядра.

— Мы и проводим. Гравиядро в данном случае — весь Корселун.

Дариус посмотрел без одобрения.

— Не пиши так в отчёте.

— Я не уверена, что нам дадут отчёт.

Ария подошла ближе. Знак на экране дрогнул. Голосовой фрагмент Карасса вспыхнул, как уголь под пеплом. Лира подняла руку.

— Не говори. Смотри.

— Почему?

— Потому что прибор показал схему без тебя. А сейчас он ждёт не схему.

Ария кивнула и замолчала. Фильтр на потолке начал работать с перебоями, словно система пыталась подстроиться под чужое дыхание.

На экране рядом с геометрией появилась строка. Не буквами. Скорее, следом смысла, который прибор перевёл как смог.

«Имя открывает вход. Голос возвращает долг. Шифр спрашивает читателя».

Гипотеза перестала быть догадкой.

— Объясни, — сказал Дариус.

— Пока могу только сказать, что наши источники не складываются в карту. Они ведут себя как вопросы.

Ария осторожно положила ладонь рядом со знаком, не касаясь панели.

— Карасс тоже был вопросом.

— Карасс был обвинением. Нивендра была именем. Ксар-Рах даёт форму. Но вместе они не дают путь. Они проверяют того, кто пытается читать.

Дариус нахмурился.

— Нам нужен простой ответ. Куда идти?

— Простой ответ здесь и есть ловушка.

— У нас семь минут и фальшивый приказ с моим голосом.

— Поэтому я и не даю тебе красивую теорию. Если мы пойдём прямо к Мальзаара по первой найденной координате, можем открыть неправильный вход.

— Бывает неправильный вход в место?

— Если это не место, бывает.

Ария подняла глаза.

— Ты сказала это на слушании. Мальзаара не храм.

— В старых записях термин ближе к языку Порога. Но и слово «язык» слабое. Это способ отличать доступ от захвата.

— Как?

— Спроси меня через три года спокойной работы, и я отвечу увереннее.

— У нас нет трёх лет, — сказал Дариус.

— Я заметила. Поэтому и нарушаю все правила подряд.

Лира ввела новый слой сравнения. На этот раз она дала прибору не форму знака, а реакцию Арии на него: пульс, голосовой след, слабый артектиловый отклик кожи. Система попросила медицинский допуск. Дариус молча приложил ключ. Система возмутилась, но приняла.

На экране возник новый рисунок. Нивендра дала вертикальную линию. Карасс — тяжёлую дугу. Ксар-Рах — кристаллический угол. Между ними оставалось пустое место. Оно не ждало данных. Оно требовало четвёртого следа.

Лира увеличила пустоту. Внутри дрожала едва видимая волнограмма.

Она знала эту форму. Видела много лет назад в закрытых материалах Ордена, ещё когда была младшим исследователем и думала, что архивы молчат из осторожности, а не из страха.

Риверион.

Мир под водой. Глубинные архивы. Биосистемы, которые Орден никогда не показывал ученикам.

— Вот оно, — сказала Лира.

— Координаты? — спросил Дариус.

— Нет. Условие.

Ария медленно отняла руку от панели.

— Риверион.

Лира посмотрела на неё.

— Ты знаешь это название?

— Я слышала его в Карассе. Не словом. Было ощущение воды и чужого дыхания. Я решила, что это обрывок чьей-то смерти.

— Возможно, это было предупреждение.

Дариус открыл карту на боковом экране.

— Риверион под независимым статусом. После сегодняшнего приказа нас туда не пустят.

— Значит, официальный путь отпадает.

— Не радуйся так.

— Я не радуюсь. Официальные пути в таких делах часто ведут в комнату без окон.

Ария слабо улыбнулась.

Модуль Ордена мигнул белым. На экране появилась служебная строка.

«Запрос по Мальзаара заблокирован. Основание: белый запрет».

Лира выпрямилась.

— Интересно.

— Что теперь? — спросил Дариус.

— Орден только что признал, что запрос существует.

— Он не мог заблокировать опасное слово?

— Мог. Тогда основание было бы общее. Здесь стоит белый запрет. Ручной уровень.

Ария смотрела на строку.

— Орден знает о Мальзаара.

— Знает давно.

— И молчал.

— Орден много молчит. Обычно мы называем это мудростью, чтобы не чувствовать себя соучастниками.

Дариус проверил внешний коридор и вернулся.

— Осталось пять минут. Что нам даёт Риверион?

Лира ввела старый код наставника и открыла слепой архив. Прямой поиск по Мальзаара снова заблокировался. Лира набрала не название, а фразу из эхо-формулы: «следы без алфавита».

Архив замолчал. Потом выдал один фрагмент.

«Следы без алфавита должны быть собраны до воды».

Лира прочитала строку вслух.

— До воды, — повторила Ария.

— Это Риверион. Без этого слоя мы увидим ложную Мальзаара.

— Ложную? — спросил Дариус.

— Неправильное чтение. Как открыть замок чужим именем: дверь может распахнуться, но войдёшь не туда.

Ария коснулась горла.

— Карасс сказал: не отдавайте им третий.

— Потому что третий ключ не находят. Его читают. А прочитать его можно неправильно.

Дариус закрыл карту.

— Порядок такой. Сначала выводим Арию из сектора, потом ищем выход к Ривериону.

— Нет, — сказала Лира.

Он посмотрел на неё так, будто она решила чинить двигатель молотком.

— Почему?

— Перед Риверионом нужен физический след Ксар-Раха. Не архивная формула. Настоящий осколок. Без него мы не соберём последовательность.

— Ты только что сказала, что Риверион обязателен.

— Да. Но чтобы попасть туда с правильным вопросом, надо принести то, что отреагирует на воду. Формула показывает пустое место, а не ключ к нему.

— Лира.

— Знаю. Звучит так, будто я прошу заехать за камнем во время побега. Но этот камень может решить, войдём мы в Мальзаара живыми или станем материалом для новой закрытой папки.

Ария посмотрела на экран с фразой архива.

— Ксар-Рах — это обломочный пояс?

— Да. Старый кристаллический узел. Вейран там давно работает через подрядчиков. Формально добыча независимая, фактически они покупают всё, что похоже на резонатор.

Дариус потер переносицу.

— Отлично. После закрытого слушания, поддельного моего голоса и попытки пометить корабль мы идём туда, где Вейран держит руки на кристаллах.

— Могу сказать мягче.

— Не надо. Мягко у нас говорит комиссия.

Лира быстро сняла копию архивной строки на графитовую пластину. Текст поплыл, но слово «вода» осталось чётким.

— Лира, — сказала Ария, — что будет с тобой, если Орден узнает?

— Он знает.

— Что будет?

— Сначала пришлют наставника с печальным лицом. Потом отзовут допуски. Потом скажут, что я устала после Карасса и нуждаюсь в покое. В худшем случае отправят в тихий архив, где люди годами переписывают безопасные формулы.

— Ты говоришь спокойно.

— Я не спокойна. Я злая. Это удобнее.

Дариус посмотрел на таймер допуска.

— Три минуты.

Снаружи прошли быстрые шаги. На двери вспыхнул запрос комиссии.

«Открыть отсек для проверки маршрута».

Дариус отключил звук панели.

— Они быстро поняли.

— Комиссия быстро понимает всё, что мешает ей выглядеть главной, — сказала Лира. Ария взяла графитовую пластину. Знак на ней снова изменился, но в её руке перестал ползти. Лира заметила это и едва не потянулась обратно.

— Не двигай.

— Почему?

— При тебе знак держит форму.

— Значит, комиссия была права?

— Нет. Комиссия назвала тебя интерфейсом, чтобы было проще запретить. А знак держится, потому что ты не пытаешься им владеть.

Дариус открыл служебный канал.

— Тален, «Тайр» готов?

— Гравиядро очищено, чужая вставка в изоляторе, диверсант молчит и надеется на дорогого юриста, — ответил механик. — Я бы не расстроился, если бы юрист опоздал.

— Приготовь аварийный запуск.

— Это всё ещё инспекция?

Дариус посмотрел на Лиру, потом на Арию.

— Инспекция обнаружила, что сектор небезопасен.

— Понял. Обожаю, когда побег звучит как отчёт.

Связь оборвалась.

Дверь снова запросила открытие. Теперь с кодом Сайры. Дариус не стал блокировать. Дверь раскрылась, и Сайра вошла одна. Она быстро посмотрела на экран, на графитовую пластину в руке Арии, на Лиру.

— Вы плохо проводите техническую инспекцию.

— Зато честно, — сказала Лира.

— Это слово не поможет вам через пять минут.

Дариус шагнул к ней.

— Медицинский блок был скомпрометирован. Док был скомпрометирован. Мой голос подделан. Если Ария останется здесь, её заберут через маршрут, который мы не контролируем.

— Я закрыла маршрут.

— На двенадцать минут.

Сайра посмотрела на таймер. Оставалось меньше двух.

— Выведешь её — я обязана буду объявить нарушение.

— Тогда объяви после того, как мы выйдем из дока.

Сайра повернулась к Лире.

— Что вы нашли?

Лира могла сказать половину. Могла спрятаться за белым запретом и усталостью. Но после Карасса ложь казалась дорогой.

— Мальзаара нельзя читать без Ривериона. Перед этим нужен физический след Ксар-Раха. Архив Ордена это знал и скрыл под белым запретом.

Сайра закрыла глаза на один вдох.

— Разумеется. В самый удобный момент выясняется, что древний Орден тоже врал.

— Мы предпочитаем слово «молчал». Оно звучит благороднее и хуже пахнет.

Ария заговорила громче, чем раньше:

— Сайра, я не могу остаться здесь. Если третий ключ читается через того, кто ищет, они будут пытаться читать через меня. Запертая дверь не защитит. Она только даст им адрес.

Сайра смотрела на неё без служебной маски.

— Я не смогу вернуть тебе статус, если ты уйдёшь.

— Я знаю.

— Ты станешь удобной целью.

— Я ею стала.

— Дариус потеряет командование.

— Он сам решает.

Дариус сказал:

— Решил.

Сайра сжала малый ключ допуска. Потом бросила его Дариусу.

— У вас будет один коридор до дока. Камеры на тридцать секунд уйдут в техническую проверку. После этого я подам тревогу.

— Тридцать секунд мало, — сказал Дариус.

— Зато красиво укладывается в случайную неисправность.

Лира схватила три кристалла со стола. Архивный модуль пискнул и потребовал вернуть имущество Ордена. Она отключила его ударом по боковой панели.

— Потом извинюсь. Если архив умеет обижаться, пусть сначала научится отвечать честно.

Они вышли в коридор быстро, без бега. Дариус шёл первым, Ария за ним, Лира рядом с графитовой пластиной и кристаллами в защитном мешке. Сайра осталась у двери, чтобы выглядеть человеком, который пытается навести порядок.

Секции света одна за другой гасли за спиной. Камеры уходили в проверку. Впереди слышался доковый шум.

Лира прижимала к себе мешок с источниками и чувствовала, как формула Ксар-Раха отвечает слабым холодом. Знак Нивендры на пластине держался рядом с рукой Арии. Голос Карасса молчал, но в этом молчании теперь был вопрос, который вёл дальше.

У входа в док Лира оглянулась на белую полосу коридора. Обычный люмировский контур, построенный для защиты. Сегодня он защищал не тех и не от того.

— Теперь точно Риверион? — спросил Дариус, открывая шлюз.

Лира покачала головой.

— Сначала Ксар-Рах. Потом Риверион. Если перепутаем порядок, Мальзаара покажет нам не путь, а нашу ошибку.

Шлюз открылся. За ним ждал «Тайр» с очищенным гравиядром и аварийным маршрутом без официального разрешения. Лира вошла следом за Арией и впервые за много лет почувствовала, что идёт не против незнания, а против собственного Ордена.

Следы без алфавита должны быть собраны до воды.

Глава 4. Патент на спасение

Солар Иксон не любил круглые столы. За ними люди быстро начинали говорить о равенстве, хотя каждый всё равно считал чужие доли и риски. Поэтому в главном зале держателей Вейрана стол был длинным и прямым. Во главе сидел тот, кто отвечал за итог. Остальные могли спорить, но порядок был виден сразу.

На стене за Соларом светилась карта Корселунской дуги. После Карасса она выглядела больной: несколько узлов горели жёлтым, часть маршрутов была закрыта, один сектор мерцал красным и ждал решения страховщиков. Люмира называла это стабилизацией. Ардин — расплатой. Орден Белой Зари молчал и снова делал вид, что молчание само по себе мудрость.

Солар провёл ладонью по панели. Карта сжалась до одной линии: Карасс, Ксар-Рах, Риве-рион, предпороговый сектор Мальзаара. Последнее название он не стал выводить крупно. Люди лучше слушают, когда им кажется, что запретное показали только им.

Держатели доли сидели по обе стороны стола. Часть пришла проекциями, часть — через защищённый голос. Лично присутствовал только старый контрактор Арн Доль. Он не доверял проекциям с тех пор, как конкурент продал ему фальшивое алиби вместе с настоящим рудником.

Солар начал без приветствий.

— Люмира заперла Арию Целестину. Это предсказуемо. Ардин назовёт её пленницей. Орден скроет часть знания и позже объяснит, что делал это ради равновесия. Единственная неожиданность в том, что все три силы снова считают себя взрослыми.

На дальнем конце стола тихо усмехнулись. Солар не улыбнулся. Смех был полезен только как признак, что люди ещё не совсем испуганы.

— Нам предложат ждать официальной экспертизы, — продолжил он. — Потом будет комиссия, мораторий, взаимные обвинения и тайная охота за теми же данными. Мы видели это на малых узлах. Теперь ставка выше.

Держательница доли Рейс Вальт подняла руку. Её проекция шла с задержкой, и жест выглядел немного жужим.

— Вы называете это ставкой. Совет безопасности Люмира назовёт это угрозой для миров.

— Юридически важна будет наша заявка, поданная раньше их моратория.

— На что именно?

Солар открыл второй слой карты. На нём появились слова: пороговая матрица, кристаллический резонатор, живой расчёт, контур обслуживания.

— На технологический пакет предпороговой стабилизации.

Арн Доль фыркнул.

— Красиво. Мы ещё не знаем, что это такое, но называем пакетом.

— Мы знаем достаточно, чтобы не отдать это политикам.

— Политики хотя бы делают вид, что отвечают перед народом.

— Делают вид. Вейран отвечает перед договором. Договор проще проверить.

Рейс склонила голову.

— Вы хотите запатентовать спасение?

— Я хочу, чтобы спасение имело владельца, контур обслуживания и цену доступа. Без этого оно станет святыней, вокруг которой все будут молиться и воровать детали.

В зале стало тише. Слово «спасение» обычно не любили. Оно плохо ложилось в отчёты о прибыли. Но после Карасса люди хотели не только прибыли. Они хотели, чтобы большой мир снова стал понятным.

— Корселун нельзя оставлять Дому Синен, — сказал Солар. — Они однажды спутали хранение с правлением. Нельзя оставлять Федерацию Люмира. Они спрячут правду до тех пор,

пока она сама не взорвёт их архивы. Ардин видит в любом механизме цепь, даже если эта цепь удерживает мост. Орден Белой Зари веками молчал, а теперь попросит ещё немного доверия.

— А нам доверять можно? — спросил Арн.

Солар посмотрел на него спокойно.

— Нет. Поэтому и нужен договор.

Этот ответ держателям понравился. Вейран держался на простом расчёте: корысть легче связать договором, чем совесть.

— Договор можно нарушить, — сказала Рейс.

— Всё можно нарушить. Вопрос в цене нарушения.

Представитель младшей доли, худой человек с лицом вечного проверяющего, осторожно подался вперёд.

— Если Порог действительно стабилизатор цивилизаций, его нельзя оформлять как частную собственность.

Арн Доль поморщился.

— Молодые доли нашли мораль.

Солар поднял руку, и старик замолчал.

— Этический вопрос верный. Спасение без владельца не масштабируется. Его некому ремонтировать, защищать и обновлять. Оно становится общей надеждой, а общие надежды плохо переживают первый саботаж.

— А если владелец начнёт диктовать условия?

— Начнёт. Поэтому условия надо записать раньше, чем начнётся паника.

— Цена доступа исключит слабые миры.

— Бесплатный доступ исключит их быстрее. За них заплатят сильные и потом потребуют покорности. Мы хотя бы можем сделать цену видимой.

Солар видел, как его слова входят в людей. Он не обманывал их полностью. Это была лучшая форма убеждения: дать правду, из которой убрана неудобная половина. Да, спасение без системы обслуживания развалится. Да, Порог нельзя оставлять в руках тех, кто прячет данные. Но он не говорил вслух главное: владелец обслуживания рано или поздно начинает считать себя владельцем жизни.

Пока это не требовалось произносить.

На боковой панели замигал закрытый вызов. Код архивного контролёра Люмира. Солар не ответил сразу. Люди, которые продают доступ к архивам, должны помнить, что они продают не услугу, а собственную уязвимость.

— Говорите, — сказал он, когда принял вызов.

Перед ним возникло лицо Мерса. Контролёр выглядел так, будто не спал ночь и убедил себя, что делает всё ради семьи. Вейран редко покупал людей одной жадностью. Жадные ненадёжны. Надёжнее те, кто считает преступление временной заботой о близких.

— У меня мало времени, — сказал Мерс. — После слушания часть архивов закрывают. Запрос по Мальзаара ушёл в белый контур.

— Нас интересует старый пепельный маршрут.

Мерс сглотнул.

— Он не ведёт прямо к Мальзаара.

— Я знаю.

— Тогда зачем он вам?

— Вы продаёте координаты, а не вопросы.

Мерс отвёл глаза. На экран вышел пакет: обломочный пояс Ксар-Раха, старые добычные платформы, неучтённый проход через трассу без маяка. Проверка показала совпадение с двумя закрытыми расчётами Вейрана.

— Хорошо, — сказал Солар. — Оплата уйдёт через третий фонд.

— Вы обещали вывести мою сестру из служебного долга.

— Она выведена.

— Мне нужно подтверждение.

Солар отправил короткий файл. Мерс прочёл и выдохнул так, будто только сейчас вспомнил о воздухе.

— Это последнее. Больше я не могу.

— Никто не просит вас о большем.

Связь оборвалась.

Арн Доль покрутил пальцем в воздухе.

— Он побежит к представителям Люмира?

— Нет. Он много получил.

— Люди бегут не только от бедности. Иногда бегут от того, что видят в зеркале.

— Поэтому у него есть сестра, которую он не захочет вернуть под служебный долг.

Рейс внимательно изучала координаты.

— Ксар-Рах. Значит, вы приняли версию, что последняя кристаллическая формула нужна до Ривериона.

— Не версию. Рабочее допущение.

— На чём основано?

— На поведении Арии. На сообщении Лиры Вехн. На попытке Ордена заблокировать запрос. И на том, что наши заявки по пороговой матрице начали сходиться после анализа ксар-рахских резонаторов.

— Лира Вехн пойдёт с ними?

— Пошла, если Харран не совершит редкую глупость и не вернёт всех комиссии.

Арн хмыкнул.

— Генерал Люмира, беглая наследница Синен и учёная Ордена. Хорошая компания для аварийной инспекции.

— Их путь будет убедительнее любой нашей разведки.

Рейс свернула данные в закрытую папку.

— Что с Мираль Фрост?

Солар сделал паузу чуть дольше обычного.

— Она получит часть расчётов.

— Часть?

— Полный пакет ей пока не нужен.

— Она наш лучший криптоархеолог.

— И единственный специалист, который задаёт вопрос о цене раньше вопроса о результате.

— Это недостаток?

— В мирное время — преимущество. Сейчас — помеха, если дать ей всё сразу.

Рейс знала Мираль. В Вейране многие считали её неудобной, но терпели, потому что она читала древние системы так, как другие читали бухгалтерские отчёты: точно, без романтики и с неприятным умением находить чужую ложь.

— Она узнает, что вы скрыли часть данных.

— Конечно.

— И что потом?

— Потом у неё будет выбор: доказать, что я неправ, или успеть раньше Арии. Оба варианта нам полезны.

Арн постучал пальцами по столу.

— Вы часто используете людей, которые могут вас возненавидеть.

— Ненависть не отменяет профессиональной привычки. Мираль всё равно пойдёт к формуле. Харран всё равно будет защищать Арию. Лира всё равно ползет в запрет. Ария всё равно не отдаст ключ ни одной фракции. Люди предсказуемы там, где считают себя свободными.

— А вы?

Солар посмотрел на старика.

— Я тоже.

Этот ответ не был слабостью. Скорее напоминанием: Вейран держался не на вере в без-ошибочных лидеров, а на людях, которые знали свои привычки и умели превращать их в рас-чёт.

Солар вывел на карту путь к Ксар-Раху. Официальный маршрут можно было закрыть одним запросом Федерации Люмира, поэтому он погасил его. Остался старый добычный коридор. Частные корабли ещё могли пройти по нему.

— Частный флот выйдет под видом усиления охраны контрактов после Карасса, — ска-зал Солар. — Передовой отряд пойдёт без флагов. Нам нужен последний кристаллический резонатор до того, как Ария получит его в руки.

— Приказ на захват? — спросила Рейс.

— Нет.

— Почему?

— Захват создаст понятный конфликт. Ария и Харран умеют работать в понятном кон-фликте. Нам нужно другое.

Солар увеличил изображение малого корабля «Тайр». Он ещё стоял в доке Федерации Люмира, но расчёт показывал возможные выходы.

— Не убивать Арию. Не травмировать её до потери контакта с Голосом Карасса. Не отде-лять её от Леры раньше, чем Лира проверит формулу. Харрана не устранять без крайней необ-ходимости.

Арн прищурился.

— Щедро. А что тогда делать вашим людям? Махать им с платформы?

— Давить на маршрут. Закрывать безопасные варианты. Подбрасывать неполные ответы. Пусть Ария докажет шифр своими действиями.

— То есть мы идём за ней?

— Мы идём рядом с её страхом. Это ближе.

Представитель младшей доли осторожно поднял руку.

— Если она поймёт, что мы ведём её, она изменит путь.

— Она не ведома. И это важно. Мы не заставляем её искать Ксар-Рах. Мы создаём усло-вия, в которых правильный выбор для неё совпадает с нашим интересом.

— А если её правильный выбор окажется не нашим?

— Тогда мы узнаем больше, чем знали до этого.

Солар закрыл изображение «Тайра» и открыл файл приказа. Текст был коротким. Вей-ранская сила любила ясность там, где решение принято.

— Орн Валир возьмёт передовой отряд. Контрактные корабли без флагов. Задача — выйти к добычным платформам Ксар-Раха, забрать резонаторные ядра со старой маркировкой и не начинать открытый бой, пока Ария не проявит нужный след.

— Орн любит открытый бой, — сказал Арн.

— Поэтому он получил письменный запрет.

— Он любит нарушать письменные запреты, если рядом нет человека, который может ударить его по бюджету.

— Его бюджет у меня.

Арн довольно кивнул.

Рейс снова посмотрела на карту.

— Вы уверены, что Мальзаара не откроется без Ривериона?

— Нет.

— Тогда почему не идти прямо к сектору Мальзаара?

— Потому что прямой путь даст нам дверь без языка. Вейран не должен повторять ошибку Синен.

Эта фраза прозвучала честно. Несколько держателей насторожились. Солар дал им время услышать не поклонение старой империи, а осторожность.

— Синен проиграли не потому, что были жестоки, — сказал он. — Жестокие системы иногда стоят долго. Они проиграли, когда перестали различать хранение и владение. Мы не будем объявлять Корселун нашим правом. Мы оформим обслуживание, доступ и ответственность.

— Для внешнего рынка это звучит прилично, — сказала Рейс.

— Для внутреннего тоже.

— А?

— Миры Дуги всё равно придут к тому, у кого будет рабочий контур. Они могут ненавидеть Вейран, спорить с тарифами, требовать наблюдателей. Но если гиперкольца начнут рушиться, они выберут того, кто умеет удержать маршрут.

— Даже если придётся платить?

— Особенно если придётся платить. Бесплатному чуду никто не верит.

Арн рассмеялся.

— Вот теперь слышу Вейран.

Солар не ответил. Он смотрел на карту Ксар-Раха. Там, среди обломков старого кристаллического узла, лежало то, что Лира Вехн назвала бы следом без алфавита. Для Ордена это была тайна. Для Люмира — риск. Для Ардина — повод кричать о новом захвате. Для Солара — недостающая часть инженерной задачи, которая долго притворялась мистикой.

На личном канале вспыхнул отчёт Орна Валира.

«Передовой отряд собран. Флаги сняты. Маршрут открыт. Приказ по Арии подтверждён: не убивать, вынудить проявить шифр».

Солар подписал ответ.

«Начинайте движение. К Мальзаара не входить. Приоритет — Ксар-Рах».

Он отправил приказ и поднялся. Держатели доли начали отключаться, но не сразу. Каждый хотел досмотреть, как на карте двигаются первые серые точки частного флота.

Они уходили не к Мальзаара напрямую. Это было важно. Прямой путь казался сильным решением, а сильные решения часто нравились тем, кто плохо считал последствия.

Ксар-Рах был грязнее, опаснее и полезнее. Там можно было встретить Арию до того, как она поймёт полный порядок следов. Там можно было забрать формулу, не объявляя войну. Там можно было заставить беглецов идти быстрее и думать, что скорость выбрали они сами.

Рейс задержалась на связи последней.

— Солар, вы правда верите, что делаете миры управляемее, а не толкаете их к новой войне?

Вопрос не был обвинением. Рейс умела считать дальше ближайшей прибыли, поэтому он держал её рядом.

— Новая война началась, — сказал Солар. — Разница только в том, кто первым построит для неё правила.

— И если правила будут нашими?

— Тогда у войны появится цена.

— У смерти тоже?

— У смерти цена есть всегда. Обычно её платят те, кто не сидит за этим столом.

Рейс долго молчала. Потом кивнула и отключилась.

Зал опустел. Карта Дуги продолжала светиться на стене. Серые точки частного флота медленно уходили к Ксар-Раху. Солар смотрел на них без торжества. Торжество мешало расчёту. Он не хотел гибели Арии, не хотел разрушить Риверион, не хотел открыть Мальзаара неправильно. В его плане все эти слова выглядели как ограничения, а не как совесть.

Он знал, что многие назвали бы это холодностью. Ошиблись бы. Холодные люди плохо строят долгие системы. Долгие системы строят те, кто умеет смотреть на последствия и всё равно нажимать подтверждение.

На стене вспыхнул новый маршрут. Передовой отряд вошёл в добычный коридор.

Солар закрыл карту ладонью и оставил только одну строку приказа.

Частный флот Вейрана выходит к Ксар-Раху за последней кристаллической формулой.

Глава 5. Ксар-Рахский осколок

«Тайр» вышел из люмирского дока под видом аварийной инспекции. В журнале всё выглядело прилично: проверка гравиядра, контроль остаточного следа Карасса, технический выход к старому добычному поясу. Если читать не внимательно, получался обычный флотский маршрут после боевого повреждения.

Ария сидела у бокового экрана и видела, как Дариус делает документ похожим на правду. Он не спорил с системой, а кормил её правильными словами. На каждый запрос находилась формулировка, из-за которой люмирский контур пропускал корабль ещё на один участок.

Лира устроилась за складным столом позади пилотского кресла. Рядом лежали графитовая пластина, три кристалла и медицинский браслет Арии, который всё ещё пытался докладывать комиссии о пульсе. Тален возился у нижней панели и время от времени ругался на гравиядро так ласково, будто оно было старым родственником.

— Если комиссия спросит, почему мы идём к Ксар-Раху, — сказал Тален, — я отвечу, что гравиядро требовало прогулки.

— Лучше не отвечай комиссии, — сказал Дариус.

Ария улыбнулась. Смех давался тяжело, горло ещё болело после слушания. Чужой голос Карасса отступил, но оставил ощущение царапины изнутри. Слова приходилось выбирать аккуратно, будто каждое могло задеть рану.

На экране впереди возник обломочный пояс Ксар-Раха. Сначала он выглядел как пыльная полоса, потом стал глубже. Каменные глыбы, старые платформы, погасшие маяки, блеск кристаллов на разломах. В некоторых местах пыль светилась слабым синим светом, и Ария поняла, почему Лира говорила о тихом токе. Здесь Артексил не вспыхивал и не давил. Он тянулся через камень едва заметным дыханием.

— Это всё осталось от узла? — спросила Ария.

— От узла, лабораторий и чужих ошибок, — ответила Лира. — Ксар-Рах когда-то связывал кристаллические расчёты с Порогом. Потом расчёты закрыли, узел списали, а добычу отдали тем, кто умеет не задавать вопросов.

— Вейрану?

— Формально нет. Фактически да.

Дариус вывел на экран старую схему добычных платформ. Половина меток была погашена. Одна платформа ещё работала, хотя по реестру её закрыли девять лет назад.

— Нам нужен осколок с архивным откликом, — сказала Лира. — Не любой резонатор. Такой, который помнит старую формулу.

— Камни теперь тоже помнят, — сказал Тален. — Отлично. Я всегда подозревал, что у меня на складе много свидетелей.

— Кристаллы Ксар-Раха не свидетели в человеческом смысле.

— Значит, доносить не будут?

— Будут. Не словами.

Дариус перевёл корабль на малую тягу. «Тайр» вошёл между обломками, и корпус зашуршал от пыли. Щиты выдерживали, но каждый удар отдавался в полу короткой дрожью. Ария положила руку на край кресла, чтобы понять, где кончается корабль и начинается пояс.

— Справа маяк, — сказал Тален.

— Он погашен, — ответил Дариус.

— Тогда он очень бодро врёт, что погашен.

На боковом экране вспыхнул слабый сигнал. Маяк выдавал себя за аварийный буй, но частота плавала ровно для старого оборудования. Дариус отключил автоответчик до того, как тот успел отправить код корабля.

— Нас ждут, — сказал он.

— Комиссия? — спросила Ария.

— Комиссия громче. Эти хотят посмотреть, кто мы, но не хотят показываться.

Лири подтянула к себе пластину. Знак Нивендры на её поверхности дрогнул. Рядом с ним формула Ксар-Раха вытянулась в сторону работающей платформы.

— Туда, — сказала она.

Дариус изменил курс.

Платформа оказалась старой шахтёрской станцией, вросшей в большой обломок. К ней были пристыкованы два грузовых челнока без флагов. На бортах не было вейранской маркировки, но это ничего не значило.

— Запросить стыковку? — спросил Тален.

— Нет. Подойдём как инспекция гравиядра.

Дариус отправил короткий служебный пакет. В ответ пришла задержка, потом голос с платформы:

— Добычной док закрыт. Пылевой шторм. Уходите на внешний круг.

Голос звучал скучающе, но Ария слышала за ним напряжение. Не в интонации, а в быстрых вдохах между фразами.

Дариус включил флотский канал.

— Малый корабль «Тайр». Аварийная проверка гравиядра после карассового воздействия. Ваш док числится ближайшей технической точкой.

— У нас нет допуска к люмирским кораблям.

— У вас есть действующий контракт на приём аварийных судов. Он не закрыт.

Тален тихо присвистнул.

— Ты нашёл у них старый контракт?

— Контракторы редко закрывают старые права. Вдруг пригодятся.

Связь ожила.

— Стыковка на внешний захват. Доступ только одному технику.

— Двум, — сказал Дариус. — И наблюдателю с медицинским браслетом. Гравиядро реагирует на её след.

— Отказ.

— Тогда я передаю в Федерацию Люмира, что закрытая платформа Ксар-Раха не принимает аварийный корабль после Карасса.

Пауза вышла короткой.

— Стыковка разрешена. Оружие оставить на борту.

Дариус отключил канал.

— Оружие оставляем видимое. Невидимое берём.

Через шесть минут они вошли в шлюз платформы. Дариус шёл первым, за ним Ария и Лири. Тален остался на «Тайре» у гравиядра. На платформе пахло кристаллической пылью, старой смазкой и воздухом, который долго гоняли через дешёвые фильтры. Стены были испараны, аварийные полосы на полу стёрлись, но камеры в углах стояли новые.

Их встретили трое в шахтёрских куртках. У старшего на рукаве был знак местного подрядчика. Знак выглядел законно, но ткань вокруг него была свежей.

— Осмотр — десять минут, — сказал старший. — Потом уходите.

— Покажите гравикамеру дока, — сказал Дариус.

— Вам туда не надо.

— Мне решать.

Старший перевёл взгляд на Арию. Быстро. Он знал, кто она. Или получил описание.

— Медицинский наблюдатель останется у шлюза.

Ария хотела ответить, но горло заныло. Дариус сделал шаг так, что старшему пришлось смотреть на него.

— Медицинский наблюдатель идёт со мной.

Ли́ра наклонилась к Арии.

— Если понадобится, кашляй. У тебя сейчас очень убедительная больная внешность.

— Спасибо. Ты умеешь поддержать.

Их провели к гравикамере через узкий коридор. По пути Ария заметила открытый боковой отсек. Внутри стояли контейнеры с кристаллами. На одном виднелась едва стёртая метка: три вложенных угла.

Вейран.

Ли́ра тоже увидела. Она не остановилась, только поправила ремень сумки. На пальцах у неё дрогнул слабый артексилловый свет.

В гравикамере стоял старый узел сортировки. В его кольцо медленно вращались осколки разного размера. Большая часть была мёртвой. Несколько светились. Один осколок в глубине кольца был чёрным, но вокруг него воздух мерцал, как над горячим металлом.

Ария почувствовала его раньше, чем увидела.

Вода.

Не звук и не образ. Скорее давление на грудь, будто она вдохнула глубоко под толщей воды и поняла, что может дышать.

Она остановилась.

— Вот он, — сказала Ли́ра.

Старший шахтёр резко повернулся.

— Что?

— Нестабильный кристалл. Его надо убрать из сортировки.

— Это наш груз.

— Ваш груз сейчас фонит в живой расчёт. Если он сорвётся, ваша платформа станет красивой пылью с юридически спорным владельцем.

Старший не поверил, но отступил на полшага. Дариус заметил это.

— Открывайте кольцо, — сказал он.

— Нужен код мастера смены.

— Тогда зовите мастера.

Вместо ответа старший коснулся браслета.

Дариус ударил первым. Удар пришёлся в плечо, старший врезался в панель. Второй шахтёр выхватил короткий резак, но Ли́ра бросила в него диагностический зажим. Зажим попал в лоб, и шахтёр сел на пол с удивлённым видом.

— Я учёная, — сказала Ли́ра. — У меня тяжёлые аргументы.

Третий успел включить тревогу. В коридоре завывала сирена. Дариус выбил у него оружие и прижал к стене.

— Тален, у нас спор с подрядчиком.

— По звуку спор бодрый, — ответил Тален. — Снаружи два челнока ожили. Один наводит на нас пушки, но делает вид, что растягивается после сна.

— Готовь отстыковку.

Дариус вырвал у старшего кодовый браслет и бросил Лире.

— Откроешь?

— Если он не успел всё запереть.

— У тебя минута.

— У меня всегда минута. Вселенная экономит на мне.

Ли́ра приложила браслет к панели. Кольцо сортировки дёрнулось и начало раскрываться. Чёрный осколок внутри вспыхнул синим. Ария сделала шаг ближе. В горле поднялся не Голос Карасса. Другой отклик. Он был тише, глубже и совершенно чужой человеческой памяти.

Перед глазами на миг исчезла гравикамера.

Она увидела тёмную воду. Не поверхность, а толщу. Длинные светящиеся линии шли под ней, как улицы живого города. В этих линиях двигались существа, похожие на тени с глазами. Они не говорили, но помнили. Их память шла через воду, камень и ритм дыхания. Потом пришёл чужой приказ, старый синенский протокол, и вода на миг стала частью расчёта.

Боль была не человеческой. Потеря направления. Общий ритм распался, и множество живых существ перестали слышать друг друга.

Ария пошатнулась. Дариус обернулся, но не успел подойти. Осколок сам вылетел из кольца и завис перед её ладонью. Ли́ра выругалась без юмора.

— Не трогай голой рукой!

Ария и не трогала. Осколок остановился в нескольких сантиметрах от кожи. Внутри него пульсировал ритм, похожий на дыхание под водой.

— Он не даёт координаты, — сказала Ария. Голос вышел хриплым. — Он показывает, как дышать.

— Это очень мило, — сказал Тален по связи. — Но нас сейчас перестанут дышать снаружи. Челнок открыл створки.

В коридоре ударили выстрелы. Дверная рама гравикамеры вспыхнула. Дариус вложил Арии в руки защитный контейнер.

— Ли́ра, осколок внутрь!

— Он не хочет внутрь.

— Уговори.

Ли́ра достала графитовую пластину. Знак Нивендры на ней дрожал рядом с формулой Ксар-Раха. Ария сама не поняла, почему сказала так:

— Мы не забираем тебя для власти.

Осколок качнулся.

В коридоре снова ударило. Дариус ответил двумя короткими выстрелами из скрытого пистолета.

— Ария, ещё раз. Только быстрее.

Осколок не подчинялся. Он задавал вопрос. Если попытается приказать, ответ будет ложным.

— Мы ищем не хозяина, — сказала Ария. — Мы ищем следующий долг.

Осколок опустил в контейнер. Крышка закрылась сама, хотя Ли́ра к ней ещё не прикоснулась.

— Вот это я запишу, — сказала Ли́ра.

— Потом, — сказал Дариус. — Уходим.

Они выбежали в коридор. Платформа гудела от тревоги. На повороте их встретили двое вооружённых людей без шахтёрских нашивок. Дариус сбил первого плечом, второго ударил в колено и потащил Арию дальше. Ли́ра бежала за ними, прижимая контейнер к груди.

— Это точно были шахтёры? — спросила она на бегу.

— Один из них стрелял дорого для шахтёра, — сказал Дариус.

На стыковочном мостике погас свет. Ария на миг увидела только аварийные полосы на полу и тёмную фигуру впереди. Чужая водная память снова шевельнулась в контейнере. Она не показывала дорогу, но Ария почувствовала, где воздух движется иначе.

— Влево, — сказала она.

— Корабль справа, — ответил Дариус.

— Влево.

Он не спорил. Они свернули в технический проход. Через пять шагов за спиной рухнула переборка. Если бы они пошли к основному мосту, их зажало бы между дверью и огнём.

— Хорошо, — сказал Дариус. — Сегодня слушаем воду.

— Я предпочла бы слушать план, — пробормотала Лира.

Они выскочили к запасному шлюзу. «Тайр» сместился с основного захвата и подал к шлюзу боковой рукав. Тален открыл его вручную.

— Быстрее. Челноки решили, что мы им не нравимся.

Дариус вошёл последним и захлопнул люк. В тот же миг по корпусу ударило. «Тайр» трянуло так, что Ария упала на колени. Контейнер с осколком ударился о пол, но не раскрылся. Внутри прошёл синий пульс.

— Отстыковка! — крикнул Дариус.

— Я уже, — ответил Тален. — Платформа не согласна.

Гравимотор взревел. Корабль рванулся назад, стыковочный рукав сорвало с креплений. В боковой экран ударил свет выстрела. Дариус сел в кресло второго пилота и вывел щиты в ручной режим.

— Кольцевая пыль впереди, — сказал Тален.

— Идём через неё.

«Тайр» нырнул в облако кристаллической пыли. Обломки застучали по корпусу. Два челнока пошли следом, но один потерял курс. Второй держался ближе. Ария увидела на его носу слабую метку Вейрана, которая проявилась под ударом пыли.

— Это не местные, — сказала она.

— Понял, — ответил Дариус.

Лира открыла защитный контейнер на один щелчок. Синий свет вышел наружу и лёг на приборную панель. Навигация мигнула, сбилась, потом вместо карты Ксар-Раха показала тёмную волну.

Тален побледнел.

— Я не люблю, когда мой корабль рисует воду в вакууме.

— Это не вода, — сказала Лира. — Это отклик.

Ария смотрела на волну. Она больше не видела шахтёрскую платформу. На экранах проступал Риверион: не координатами, не названием, а ритмом. Будто корабль на миг оказался над чужим океаном и услышал, как под водой загорается древний город.

Челнок Вейрана вышел на линию выстрела. Дариус разворачивал щит, но осколок в контейнере пульсировал быстрее. Навигация сама сдвинула маршрут на полградуса. «Тайр» прошёл между двумя крупными обломками. Челнок не успел повторить манёвр. Его задело камнем, развернуло, и он исчез в пыли.

Тален несколько секунд молчал.

— Я официально не видел, как древний камень управлял моим кораблём.

— Он не управлял, — сказала Ария.

Дариус посмотрел на неё.

— А что сделал?

Она слушала ритм осколка. В нём не было приказа. Только направление, которое нельзя было взять силой.

— Он показал, где мы не погибнем.

Лира закрыла контейнер, но экраны ещё мигали. На каждом, даже на техническом мониторе гравиядра, проступала одна и та же живая волнограмма. Риверион не был точкой маршрута. Он был ответом, который дышал.

Ария сжала пальцы. Корселун касался не только людей. Не только Домов, фракций, флотов и погибших экипажей. Где-то глубже была память воды, живых городов и существ, которых Синен когда-то включил в свой расчёт.

Эта вина оказалась шире, чем история её рода в книгах и протоколах. Она уходила туда, где у памяти не было человеческого лица.

«Тайр» вышел из пылевого облака. Позади остался Ксар-Рах, нелегальная платформа и вейранский челнок, потерянный среди обломков. Впереди, на всех приборах сразу, ещё несколько секунд светилась тёмная глубина Ривериона.

Осколок не дал карту. Он заставил корабль на миг увидеть единственный живой ответ.

Глава 6. Голос, которого не должно быть

Лейлу Тран вывели из люмирского контура через служебный коридор. Формально её должны были передать охране прессы у главного шлюза, но сегодня формальности умирали быстрее плохих оправданий. Ария числилась ограниченным доступом, Дариус ушёл под видом аварийной инспекции, а комиссия пыталась выглядеть так, будто всё ещё управляет ситуацией.

У выхода её догнал молодой офицер. В руках он держал планшет с предупреждением и смотрел так, словно документ мог укусить.

— Госпожа Тран, вам запрещено публиковать материалы закрытого слушания до завершения проверки.

— Конечно. Я даже не буду публиковать, как вы произнесли это с лицом человека, которого самого только что закрыли в инструкции.

Офицер покраснел.

— Я обязан предупредить.

— Предупредили. Теперь можете записать, что я выглядела испуганной и прониклась уважением к процедуре.

Он не нашёл ответа. Лейла прошла мимо. Арии поставили серый знак комиссии, Карасс снова пытались спрятать в отчёты, а Вейран, судя по найденным обрывкам, оформлял будущие права на то, чего официально ещё не существовало.

Её малый отсек связи находился двумя уровнями ниже. Дверь открылась не сразу. Считыватель мигал, проверял доступ и через две секунды сдался. Значит, её допуск ещё не закрыли. Плохая работа комиссии. Или хорошая работа её маленького вируса.

В отсеке было тесно: стол, два экрана, полка с накопителями, аварийный передатчик и старый термоконтейнер с надписью «Не трогать, это кофе». Кофе там не было давно. Внутри лежали архивные пластины и усилитель сигнала.

Лейла закрыла дверь, включила шумовой контур и села. Руки дрожали. Не сильно, но достаточно, чтобы злость стала менее удобной. Она прижала ладони к столу и дождалась, пока дрожь уйдёт.

Потом открыла файл, который успела вытащить перед слушанием.

Закрытые заявки Вейрана. Не полные документы, а выкусанные куски реестра. Для Лейлы кусок часто был лучше гладкого отчёта. В отчёте всё вылизали юристы, а в обрывке оставались следы спешки.

Первая заявка называлась «контур предпороговой стабилизации». Дата стояла раньше официального упоминания Мальзаара в люмирском контуре. Вторая заявка касалась пороговой матрицы с внешним обслуживанием. Третья была пустой, но в подписи стояли три вложенных угла Вейрана и код лабораторного пояса Ксар-Раха.

— Вот вы и попались, — сказала Лейла экрану. — Или я попалась. Сейчас выясним.

Она связала даты с событиями Карасса. На экране возникла линия: вспышка Голоссети, закрытое слушание, заявки Вейрана, пепельный маршрут к Ксар-Раху. Связь ещё не годилась для большого эфира. Но она была. Вейран начал готовить права на Порог раньше, чем Люмира признала само слово.

Лейла открыла черновик передачи и закрыла. Рано. Если выпустить всё сразу, правду перехватят. Вейран назовёт документы подделкой, Люмира закроет эфир, а Ария станет источником паники. Правда лежала перед ней, но неправильный момент превращал её в чужой инструмент.

На втором экране мигнул старый мёртвый канал Карасса. Лейла не включала его с ночи после битвы. Канал должен был быть пустым: кусок голоссети погибшего экипажа, сохранённый как свидетельство. Он не отвечал на запросы, только хранил шум последних минут.

Теперь шум изменился.

Лейла медленно повернулась к экрану.

— Только не сейчас.

Канал мигнул. Из динамика пошёл треск, потом дыхание. Чужое, рваное, с помехами. Лейла слышала этот голос у Карасса, когда ловила запрещённую передачу. Он принадлежал навигатору с погибшего корабля.

— Лейла Тран, — сказал голос.

Лейла включила запись и фильтр подделки.

— Назови корабль.

Помехи пошли гуще.

— «Сайр-Лет». Левый борт открыт. Не закрывайте канал.

Это была та же фраза, которую Ария произнесла на слушании чужим голосом. Но здесь не было Арии. Только мёртвый канал, который не должен был говорить.

— Ты голосовой след или морок?

— След.

— Морок тоже так сказал бы.

— Морок попросил бы верить. Я прошу проверить.

Лейла пустила голос через три фильтра. Первый проверял частотный рисунок. Второй — остаточный артектиловый отклик. Третий сравнивал паузы с записью Карасса. Голос прошёл два фильтра. Третий выдал предупреждение: «личность повреждена, полное совпадение невозможно».

— Полное совпадение невозможно, — сказала Лейла. — Поздравляю, ты всё ещё мёртв.

— Да.

Шутка вышла плохая. Голос принял её как факт.

— Что тебе нужно?

— Не публикуй весь архив.

— Прекрасно. Теперь мёртвые тоже дают редакционную политику.

— Вейран ждёт полного выброса. Они считают страх быстрее твоих зрителей.

— Моих зрителей никто не считает быстрее меня.

— Они считают не зрителей. Они считают узлы.

Лейла замолчала. Если выпустить архив Карасса целиком, несколько узлов потребуют немедленного отключения люмирских фильтров. Ардин подхватит обвинения. Люмира закроет каналы. Вейран предложит частную защиту Голоссети. Не как враг, а как спасатель с договором.

— Им нужна паника, — сказала Лейла.

— Им нужен обвал доверия. Паника — только дверь.

— Откуда ты это знаешь?

В помехах проступил металлический стук. Лейла увидела корабельный коридор, дым и аварийный свет.

— Перед смертью мы слышали их расчёт. Не слова. Сетку. Доля риска. Потеря узла. Окупаемость защиты.

Лейла сжала пальцы.

— Вейран считал Карасс до боя.

— Да.

— И теперь считает Арию.

— Да.

Она встала, прошлась по отсеку и снова села. Ей хотелось открыть эфир, назвать Вейран, показать заявки, дать голос погибшего. Это было бы красиво, честно и, возможно, очень полезно Солару Иксону.

— Тогда что публиковать? Ты ведь пришёл не только запретить.

— Не весь архив. Сначала заявки. Даты. Фразу о пороговой матрице. Потом вопрос: кто знал о Мальзаара раньше комиссии?

— Без Карасса?

— С одним голосом. Не хором.

— Твоим?

— Нет. Моё имя повреждено. Возьми живой след.

— Ария?

— Она сейчас цель. Не делай из цели доказательство.

Лейла усмехнулась.

— Для погибшего навигатора ты хорошо понимаешь информационную войну.

— Мы умерли в ней раньше, чем поняли.

На столе мигнула новая строка. Система нашла совпадение в одном из закрытых фрагментов. Среди технических подписей стояло имя, которое не принадлежало ни юристам, ни держателям доли.

Мираль Фрост. Криптоархеолог Вейрана. Ранний расчёт Мальзаара. Допуск к кристаллическим формулам Ксар-Раха.

Лейла открыла карточку. Фотография была служебной: женщина с собранными волосами, внимательным лицом и взглядом человека, который не любит, когда вместо фактов ей подсовывают лозунги.

— Мираль Фрост, — прочитала Лейла.

Голос в канале стал тише.

— Она читала до них.

— До Солара?

— До приказа.

— Она враг?

— Она знает цену. Это не то же самое.

Лейла сохранила карточку в отдельный пакет. Потом нашла старый доклад, снятый с доступа через два дня после публикации. В нём Мираль писала, что древние формулы нельзя переводить в патент до проверки биосимбиотического отклика. Фраза была скучная, но теперь Лейла видела в ней другой смысл: кристаллы могли отвечать не только людям.

Риверион.

Она ещё не знала, как связано это название с осколком, но после сообщений от Арии и Лиры направление становилось яснее. Ксар-Рах давал форму. Риверион должен был дать живой слой. А Мальзаара ждала не как склад артефактов, а как язык.

— Ты говоришь, не выпускать всё, — сказала Лейла. — Но если я выпущу мало, Люмира задавит публикацию.

— Выпусти так, чтобы они не успели назвать это ложью.

— Это как?

— Задай вопрос, на который они сами боятся ответить.

Лейла удалила первый заголовок. Он был громкий: «Вейран охотится за Порогом». Красиво, но уязвимо. Она написала новый:

«Кто подал заявку на пороговую матрицу до официального обнаружения Мальзаара?»

Это было хуже для врагов. Вопрос труднее запретить, чем обвинение. Особенно если рядом лежат даты.

Она открыла канал «Запретный зов». Официальные сети называли её провокатором. Ардин считал полезной, пока она не задавала вопросы самому Ардину. Люмира терпела, потому что полное закрытие сделало бы её известнее.

Перед выходом в эфир она записала короткий пакет для Арии, но не отправила. Канал Арии контролировала комиссия. Любое прямое сообщение могло привести Вейран или Федерацию Люмира к «Тайру». Сейчас помощь могла выглядеть как молчание.

Голос Карасса снова пошёл помехами.

— Они подделают ответ.

— Кто?

— Те, кто ждёт твоего удара.

— Вейран?

— Да.

— Как быстро?

— Начали.

На втором экране возник служебный запрос к её каналу. В эфир готовилась ещё одна передача с её подписью. Код был безупречен.

— Очень мило, — сказала Лейла. — Они сделали меня трудолюбивее.

Она открыла дубль. Текст был короткий и ядовитый: Ария Целестина якобы передаёт данные Карасса Ардину в обмен на защиту. В конце — фальшивый фрагмент голоса Арии. Дорогой, с правильной хрипотцой после голосной раны.

Лейла почувствовала настоящую злость. Не журналистскую. Личную.

— Они бьют по безопасному маршруту.

Голос Карасса ответил:

— После этого нейтральные узлы закроют ей вход.

— Значит, надо выйти первой.

— Не весь архив.

— Я помню. Я ещё живая, но память пока работает.

Она включила прямой эфир. Камера загорелась. Лейла увидела своё лицо на экране и поправила воротник. Выглядела она плохо: усталость под глазами, след от браслета охраны на запястье. Отлично. Гладким людям сейчас верили меньше.

— Это Лейла Тран. Канал «Запретный зов». Если вы смотрите через люмировский фильтр, запись, возможно, исчезнет через несколько минут. Если через вейранский ретранслятор, вам покажут рекламу защиты от той опасности, которую они сами помогли создать. Потерпите, это у них профессиональное.

Счётчик зрителей пошёл вверх.

— Я не буду публиковать полный архив Карасса. Не сегодня. Тем, кто ждал большого взрыва, придётся разочароваться. Но я покажу даты. Вейранские заявки на пороговую матрицу поданы раньше, чем комиссия Люмира официально признала слово «Мальзаара». Вопрос простой: кто знал о третьем доступе до того, как его якобы обнаружили?

Она вывела документы и закрыла личные данные мелких исполнителей. Если показать всех, история рассыплется на охоту за пешками. Ей нужен был верхний слой.

— Вот первая заявка. Вот вторая. Вот код лабораторного пояса Ксар-Раха. А вот имя специалиста в раннем расчёте: Мираль Фрост, криптоархеолог Вейрана. Я не называю её преступницей. Я задаю вопрос: почему научная работа по Мальзаара началась до того, как Люмира сказала нам, что Мальзаара вообще существует?

На экране пошли комментарии и обрывы связи. Люди хватали главное быстрее, чем чиновники меняли формулировки.

Потом картинка дёрнулась.

Лейла поняла: дубль вошёл в поток.

— Нет, — сказала она и ударила по панели ручного удержания.

Экран мигнул. Её лицо распалось на квадраты. На секунду связь вернулась, и Лейла успела сказать:

— Если сейчас вы услышите мой голос с обвинением Арии, проверьте метку канала. Подделка в эфире.

Связь оборвалась.

На основном экране вместо неё появилась другая Лейла. Такая же. Чуть ровнее волосы, чуть спокойнее лицо. Подделка всегда любила выглядеть лучше оригинала.

Фальшивая Лейла посмотрела в камеру и сказала:

— Получены сведения, что Ария Целестина передаёт данные Карасса Движению Ардин. Источник утверждает: обмен состоялся.

Лейла выругалась так, что шумовой контур на миг сбился. Она бросилась к резервному передатчику. Мёртвый канал Карасса загудел рядом, будто пытался держать помеху. На экране с фальшивым эфиром включили голос Арии.

— Я не могу доверять Федерации Люмира. Данные уйдут тем, кто вернёт мирам свободу.

Голос был идеален. Почти. В нём не было боли, которую Лейла слышала в настоящей Арии после Карасса. Подделка знала хрип, но не знала цену.

— Стабильная ложь, — сказала Лейла. — Красивая, удобная, вовремя поданная.

Резервный передатчик не открывался. Вейранский дубль забрал приоритет. Лейла сняла крышку панели, выдернула кабель фильтра и воткнула прямой шунт. Искра ударила по пальцам. Она прошипела от боли, но канал ожил на узком аварийном диапазоне.

— Это Лейла Тран, ручной аварийный выход. Предыдущий фрагмент с голосом Арии — подделка. Повторяю: подделка. Проверьте дыхательные паузы, там нет голосной раны. Нет карассового отката. Это сборка.

Сигнал держался три секунды. Потом его придавили.

Этого было мало для победы. Но достаточно, чтобы часть зрителей успела записать предупреждение. Лейла видела, как копии расходятся по мелким каналам. Не все поверят. Но теперь ложь не останется чистой.

Голос Карасса стал едва слышным.

— Хорошо.

— Нет. Хорошо было бы, если бы я успела раньше.

— Ты успела частично.

— Ненавижу частично.

— Живые часто работают так.

Она невольно усмехнулась.

— Спасибо за утешение с того света. Очень бодрит.

Мёртвый канал затих. На экране осталась только рваная линия. Лейла не знала, ушёл голос сам или его заглушили. Теперь она снова была одна в тесном отсеке с тремя экранами, запахом нагретого пластика и фальшивой передачей, которая расходилась по Дуге.

Через минуту пришли первые последствия. Один нейтральный узел приостановил любые маршруты, связанные с Арией Целестиной. Потом второй. Затем торговый ретранслятор Омбриса вывел предупреждение о возможной передаче карассовых данных Ардину. Формулировка была осторожная, но Лейла знала, как это читается в кабинетах безопасности: закрыть проход, пока не поздно.

Она открыла защищённый черновик и написала короткую строку для себя, чтобы не забыть главную связку среди шума:

Вейран не подделывает факты. Он подделывает момент, когда факты становятся полезны.

Потом добавила имя:

Мираль Фрост.

И ещё ниже:

Не публиковать весь архив. Бить по датам. Искать, кто оплатил подделку.

Лейла выключила основной экран. Фальшивая передача всё ещё шла где-то в общей сети, но теперь она не могла догнать её прямым эфиром. Придётся работать иначе: через малые каналы, сохранённые копии и людей, которые умеют слушать не только громкое.

Она посмотрела на обожжённые пальцы и осторожно пошевелила ими. Больно. Значит, рука живая. Неплохо.

На резервном экране мигнул последний обрывок мёртвого канала. Слова были стёрты, но Лейла успела их прочитать.

Не дай им сделать из её голоса рынок.

Она сохранила фразу, закрыла отсек связи и начала собирать новый пакет доказательств. Теперь ей нельзя было ударить всем архивом. Вейран ждал этого. Значит, придётся резать точнее.

За стеной коридора проходили охранники. В общей Голоссети спорили, продала ли Ария данные Ардину. Где-то в это же время «Тайр» терял безопасный путь к ближайшему нейтральному узлу, ещё не зная почему.

Лейла снова открыла «Запретный зов» и начала готовить короткий выпуск: даты, подписи и один вопрос, который Вейрану будет трудно заглушить.

Кто подал заявку на спасение до того, как миры узнали, что их продают?

Глава 7. Карта, которая отказалась быть картой

Лира закрепила контейнер с ксар-рахским осколком на столе и пожалела, что поставила его рядом с навигационным пультом. Осколок тихо пульсировал под крышкой, и каждый его толчок сбивал цифры на соседнем экране. «Тайр» вышел из пыли Ксар-Раха, но кристаллический след всё ещё тянулся за кораблём, будто они привезли в рубку кусок чужого дыхания.

Рубка была мала для четырёх человек и одной древней загадки. Дариус стоял у навигации, Тален проверял гравиядро, Ария сидела у бокового кресла и молчала. После шахтёрской платформы она выглядела бледнее, чем до вылета. Осколок показал ей память Ривериона, и эта память не была человеческой.

Лира разложила на столе четыре источника. Графитовая пластина со знаком Нивендры лежала слева. Голосовой фрагмент Карасса она держала в закрытом модуле, чтобы не пустить хор погибших в открытую систему. Осколок Ксар-Раха стоял в контейнере с ручными зажимами. Последним источником была старая риверионская волнограмма, которую Лира достала из слепого архива Ордена ещё до того, как архив понял, что его обошли.

Волнограмма выглядела безобидно: несколько тёмных линий, слабый ритм, сбой на третьем цикле. Но рядом с осколком она ожила. Линии стали глубже, будто экран смотрел не на запись, а в воду.

— Скажи, что теперь у нас есть карта, — попросил Тален. — Соври красиво, мне этого хватит на ближайшие десять минут.

— У нас есть четыре следа, — сказала Лира.

— Это хуже карты?

— Это честнее.

— Я просил красиво.

Дариус не отвёл взгляда от навигации.

— Сколько времени до первого закрытого узла?

— Если верить официальной карте, сорок минут, — ответил Тален. — Если верить тому, как нас сегодня любят, меньше.

На экран пришло новое предупреждение: два нейтральных узла ограничили доступ для судов, связанных с Арией Целестиной. Формулировка была осторожная, но смысл простой: фальшивое сообщение Лейлы работало. Арии закрывали пути ещё до того, как она успевала попросить проход.

Ария посмотрела на предупреждение и ничего не сказала.

Лира выключила экран сама. Сейчас им нужна была не чужая ложь, а свой порядок. Она соединила четыре источника в малый живой расчёт. Прибор сначала принял Нивендру, затем Карасс. На Ксар-Рахе замедлился, словно не хотел трогать осколок без разрешения. На риверионской волнограмме система зависла.

— Прекрасно, — сказала Лира. — Даже машина боится воды.

— Машина умная, — отозвался Тален. — Я тоже теперь боюсь воды, хотя вокруг вакуум.

Лира запустила цикл.

На столе вспыхнули знаки. Нивендра дала вертикальную линию. Карасс откликнулся тяжёлой дугой. Осколок Ксар-Раха выдал кристаллический угол. Риверионская волнограмма не стала четвёртым знаком. Она прошла через три первых и смыла их с экрана.

Дариус обернулся.

— Это сбой?

— Нет. Это отказ.

— Чей?

— Формулы.

Ли́ра повторила цикл с другим порядком. Сначала Риверион, потом Нивендра, затем Ксар-Рах и Карасс. На этот раз экран показал короткую линию маршрута, но она тут же распалась на серые квадраты. Прибор попытался сохранить остаток, однако файл оказался пустым.

Ли́ра сжала пальцы.

— Она не хочет быть картой.

— Кто она? — спросила Ария.

— Формула. Или то, что притворяется формулой, пока мы пытаемся обращаться с ней как с вещью.

Дариус подошёл к столу.

— Ли́ра, нам нужен путь. Узлы закрываются. Вейран идёт к Ксар-Раху, а, возможно, идёт за нами. Если у тебя есть хоть что-то похожее на координаты, говори.

— Если я дам тебе «похожее на координаты», мы можем войти не туда.

— Не туда — это куда?

Ли́ра посмотрела на осколок. Синий пульс внутри контейнера стал медленнее.

— В Мальзаара есть неправильный вход. Я видела это в старой помете Ордена, но тогда решила, что это метафора.

— А теперь?

— Теперь я всё меньше люблю метафоры.

Ария подняла руку к горлу.

— Осколок не подчинился приказу. Он откликнулся, когда я сказала, что мы не ищем хозяина.

— Вот поэтому координата бесполезна, — сказала Ли́ра. — Шифр проверяет не только место, но и способ входа.

Она включила ручную запись и начала диктовать коротко, чтобы не потерять мысль.

— Гипотеза первая: четыре источника не образуют карту. Они образуют последовательность чтения. Гипотеза вторая: последовательность меняется от состояния читателя. Гипотеза третья: прямой путь к Мальзаара без Ривериона даст ошибочный вход.

— Ты сказала три гипотезы, — заметил Тален. — Это звучит как беда с научным оформлением.

— Это и есть беда с научным оформлением.

Ли́ра запустила новый цикл и оставила Арии только наблюдение. Никакого голоса, никакого касания. Ария молчала, и при этом знак на пластине держался лучше, чем раньше. Нивендра не распадалась. Карасс не давил. Ксар-Рах пульсировал рядом с риверионской волнограммой.

Формула впервые не сопротивлялась.

Ли́ра не дышала. Она сделала один шаг назад, чтобы не вмешиваться, но прибор тут же выдал предупреждение: «недостаточно личной связи». Ли́ра остановилась.

— Личная связь? — спросила она у экрана. — Ты серьёзно?

Экран не ответил. Вместо этого знаки погасли.

Дариус посмотрел на Арию. Та сидела неподвижно, с ладонями на коленях. В её молчании не было покорности. Скорее усилие человека, который не хочет снова стать каналом для чужой боли.

Дариус произнёс тихо:

— Ария Тадрин.

Знаки вспыхнули.

Ли́ра резко повернулась к нему.

— Повтори.

— Ария Тадрин.

— Не так.

— Что значит — не так?

— Сейчас ты сказал имя как проверку. Скажи ей, а не формуле.

Дариус несколько секунд молчал. В рубке стало слышно, как Тален перестал возиться с панелью. Даже гравиядро будто работало осторожнее.

Дариус подошёл ближе к Арии. Не к столу, не к прибору, не к осколку. К ней.

— Ария Тадрин, — сказал он иначе. — Смотри на меня, а не на этот камень.

Ария подняла глаза. Тогда формула открылась.

Это не было вспышкой. Экран перестал показывать отдельные знаки. Нивендра, Карасс, Ксар-Рах и Риверион сложились в движение. Не в карту и не в линию. Лира увидела порядок: имя, долг, форма, вода. Потом порядок повторился, но иначе: память, голос, выбор, живой отклик.

На панели появилась строка: «Мальзаарский алфавит: начальный слой».

Лира хотела сохранить данные, но не успела. Строка ушла внутрь экрана, а вместо неё возникла схема зала. Высокие проёмы, тёмная середина, двенадцать ложных входов и один проход, который был закрыт водой.

Дариус наклонился к экрану.

— Это Мальзаара?

— Нет, — сказала Лира. — Это предупреждение.

— Проход закрыт водой, — сказала Ария.

— Не водой как веществом. Риверионом как слоем памяти. Без него вход откроется, но не туда.

Тален осторожно поднял палец.

— Уточню для простых людей у двигателя. «Не туда» — это мы погибаем или сначала долго бегаем по древнему лабиринту с плохим освещением?

— Если повезёт, второе, — ответила Лира.

— Отлично. Обожаю оптимизм учёных.

Лира попыталась сделать копию схемы. Экран погас на половину. Знаки стали уходить в белый шум. Она бросилась к ручной записи, но пальцы вдруг стали чужими. Не онемели, не заболели. На миг забыли, как держать стилус.

— Лира? — спросила Ария.

— Всё нормально.

Это было ложью, но короткой. Для работы годилось.

Лира схватила стилус другой рукой и успела записать только часть формулы. Знаки шли с усилием, будто каждый надо было вытянуть из вязкой воды. Осколок Ксар-Раха стал ярче. Риверионская волнограмма на экране отвечала частым ритмом.

Потом удар пришёл без предупреждения.

Лира увидела белый свет. Не ослепительный, а пустой. В этом свете стоял человек. Она знала, что это её наставник. Знала голос, привычку поправлять рукав перед трудным разговором, знала, как он молчал, когда архив выдавал ложь. Но лица у него больше не было.

Она попыталась вспомнить. Лоб, глаза, линия рта. Ничего не удержалось. На месте лица оставалась ровная пустота, и чем сильнее Лира старалась, тем быстрее уходили детали.

Она открыла глаза. Оказалось, что она стоит на коленях у стола, а Ария держит её за плечо. Дариус перекрыл источник питания осколка, Тален ругался у гравиядра и требовал от корабля не вздумать взорваться в такой тесноте.

— Лира, говори, — сказал Дариус. — Что болит?

Она не поняла, как ответить. Тело было цело. Голова болела, но терпимо. Главная потеря была внутри, и от этого её хотелось спрятать, как позорную ошибку.

— Лицо, — сказала она.

Ария наклонилась ближе.

— Чьё лицо?

Лира села на пол и прижала к себе графитовую пластину. На ней сохранялась часть формулы. Значит, не зря.

— Наставника. Я помню, что он был. Помню жетон, голос, его старые замечания. Помню, как он сказал не спрашивать разрешения, если архив начнёт врать. Но лицо не помню.

В рубке стало тихо.

Тален первым нарушил молчание:

— Это вернётся?

Лира посмотрела на свои пальцы. На коже у основания ладони проступила бледная линия, похожая на след ожога, только без раны.

— Не знаю. Артексиловый ожог часто забирает не то, что нужно для работы, а то, что делает тебя человеком после работы.

Ария сжала её плечо.

— Прости.

— Не надо. Это сделал не ты.

— Через меня.

— Нет. Через моё решение лезть туда, куда Орден веками ставил белые запреты и не объяснял почему.

Дариус поднял графитовую пластину.

— Формула сохранилась?

Лира кивнула, хотя движение отозвалось болью.

— Часть. Главное осталось.

— Тогда скажи главное.

Лира заставила себя встать. Ноги слушались плохо, но слушались. Она взяла пластину у Дариуса и посмотрела на знаки. Лицо наставника исчезло, но формула держалась ясно. Эта несправедливость была оскорбительной.

— Шифр проверяет не кровь, — сказала она. — Кровь только открывает возможность. Нивендра дала имя, Карасс дал долг, Ксар-Рах дал форму. Риверион должен дать живую память. Без неё Мальзаара увидит в нас захватчиков, даже если мы придём с правильным ключом.

— А если с Риверионом? — спросила Ария.

— Тогда она хотя бы начнёт читать нас правильно.

— Нас?

— Да. Не тебя одну. Связь между тем, кто несёт имя, тем, кто удерживает голос, тем, кто выбирает не владеть, и теми, кто подтверждает живой слой. Это не личный доступ. Это связка.

Дариус посмотрел на экран, где снова мигали обычные карты.

— Значит, Солар ошибается.

— В чём?

— Он думает, что сможет оформить Порог как технологию.

Лира медленно выдохнула.

— Он ошибается не полностью. В этом и опасность. Часть механизма можно описать, обслужить, запустить. Но без живой связки получится неполный вход.

— Зал неправильного входа, — сказала Ария.

На этих словах осколок в контейнере коротко вспыхнул. Риверионская волнограмма поднялась на экране сама, без команды. Вода на ней будто сделала вдох.

Потом в рубку пришло сообщение. Не через общий канал. Через белый слой Ордена, который Лира считала закрытым после побега.

На экране появилась одна строка:

«Не буди Мальзаара без воды».

Ни подписи, ни печати. Только белый знак Ордена и ручной уровень доступа.

Лира смотрела на строку, пока буквы не начали расплываться. Теперь они предупреждали. Не запрещали, не объясняли, не помогали. Прислали фразу, которую должны были дать много лет назад.

— Очень вовремя, — сказала Лира. — Спасибо. Мы сами обожглись.

Ария прочитала строку вслух, но тихо, чтобы не сорвать горло.

— Не буди Мальзаара без воды.

Дариус проверил источник сообщения.

— Можно ответить?

— Можно, — сказала Лира. — Но я не уверена, что хочу тратить связь на вежливость.

Тален повернулся от панели.

— Напиши: «Поздно, но открытки красивые».

— Искушение сильное.

Лира всё же открыла ответное поле. Несколько секунд смотрела на пустую строку. Потом написала:

«Тогда не мешайте идти к Ривериону».

Ответ не пришёл. Белый знак погас.

— Они будут мешать? — спросила Ария.

— Орден всегда говорит, что мешает ради равновесия. Иногда это правда. Иногда страх, которому выдали красивую одежду.

Дариус вывел карту ближайших маршрутов. После фальшивого сообщения Лейлы нейтральные узлы закрывались один за другим. Прямой путь к Ривериону моргал красным. Оставались обходные участки, один старый торговый коридор и опасная кольцевая тень, где навигация могла ослепнуть.

— До Ривериона официально мы не дойдём, — сказал он.

— Официально мы давно никуда не идём, — ответила Ария.

Лира посмотрела на неё. Ария сидела спокойно, но в этом спокойствии не было прежней защиты. Ксар-Рахский осколок показал ей память существ, которых Дом Синен когда-то включил в расчёт. Теперь шифр требовал Риверион. Не как пункт маршрута, а как свидетеля, без которого любое чтение станет захватом.

— Нам нужен не вход в систему, — сказала Лира. — Нам нужен город под водой. И его согласие.

Тален присвистнул.

— Всего-то. Я думал, нам надо уйти от Федерации Люмира, Вейрана и Ордена. А теперь ещё город должен нас полюбить.

— Не полюбить, — сказала Ария. — Поверить, что мы не пришли забирать.

Дариус убрал официальную карту и открыл ручной расчёт.

— Тогда готовимся к слепому участку. Сначала выйдем из зоны отслеживания, потом найдём обход к Ривериону.

— Через кольцевую тень? — спросил Тален.

— Если другого пути не останется.

— Другого пути не останется, — сказала Лира.

Все посмотрели на неё.

Она подняла графитовую пластину. На ней формула снова сменилась, но теперь её смысл был понятен. Двенадцать ложных входов, один проход через водный слой, предупреждение о зале неправильного входа. И ниже — короткая живая линия, которая не была координатой, но указывала порядок.

— Мальзаара не даёт карту. Она требует последовательность опыта. Если мы пропустим Риверион, она откроет зал неправильного входа. Там шифр будет читать не нас, а нашу ошибку.

Ария долго смотрела на пластину. Потом кивнула.

— Значит, идём к воде.

Лира хотела ответить, но в памяти снова мелькнула пустота вместо лица наставника. Она знала, что должна испугаться сильнее, чем испугалась. Но рядом лежала формула, и в ней уцелел путь. Иногда знание вело себя жестоко: забирало живое, а оставляло полезное.

Она убрала пластину в защитный чехол и закрепила его у себя на груди.

— Идём к Ривериону, — сказала Лира. — Но теперь я хочу, чтобы все запомнили: если Мальзаара начнёт отвечать просто, это будет ловушка.

«Тайр» повернул в сторону тёмного края маршрутов. За кормой оставались Ксар-Рах, закрытые узлы и поддельный голос Арии в Голоссети. Впереди ждал путь через воду, которую ещё надо было попросить о праве пройти.

Лира закрыла глаза и снова попыталась вспомнить лицо наставника. Память не вернула ни одной черты. Тогда она открыла глаза и посмотрела на формулу, за которую заплатила.

Путь через Риверион был обязателен. И теперь она знала это не из архива, а по собственной потере.

Глава 8. Приказ на задержание

К пограничному доку «Тайр» подошёл без ходовых огней. После Ксар-Раха щиты держались, но левый контур гравимотора грелся выше нормы, а в системе охлаждения появился кристаллический шум. Тален заявил, что корабль не развалится, если его не трогать, но добавил, что это не технический вывод, а личная просьба к судьбе.

Дариус не любил такие просьбы. Он предпочитал люки, подписи, рабочие зажимы и людей, которые понимают, что двигатель не успокаивается от хороших слов. Поэтому он принял решение зайти на внешний ремонтный причал старого люмирского узла. Узел числился полужакрытым после Карасса, но аварийные корабли всё ещё принимал. Кроме того, на карте он оставался последней точкой, где можно было получить охлаждающий блок без полного отчёта комиссии.

В рубке было тесно и жарко. Тален лежал наполовину под панелью, Лира держала контейнер с ксар-рахским осколком на коленях, Ария сидела рядом с боковым экраном и берегла горло. Она говорила мало. После осколка Ксар-Раха и формулы Леры в ней стало больше тишины. Дариус видел это и не трогал.

На основном экране горела риверионская волнограмма. Она не была координатой, но всякий раз, когда «Тайр» пытался построить другой путь, приборы возвращали их к одному направлению. Через воду. Через Риверион. Через место, куда теперь закрывались официальные маршруты.

— Причал принимает нас на двенадцать минут, — сказал Тален из-под панели. — Потом требует полный флотский протокол и объяснение, почему наш гравимотор пахнет Ксар-Рахом.

— Гравимотор не пахнет, — ответила Лира.

— Это ты ему скажи. Я с ним не разговариваю.

Дариус открыл служебный канал причала.

— Малый корабль «Тайр». Аварийная стабилизация левого контура. Запрос на временный захват и охлаждающий блок.

Ответ пришёл не сразу. На экране мигнул знак люмирского флота, затем поверх него лёг знак федерального мандата. Дариус понял всё до того, как открыл документ.

Приказ был коротким. Коротким для бюрократии, значит, его писали в спешке и с полномочиями выше обычного докового контроля.

Вернуть Арию Целестину на центральный узел для полной изоляции от Голоссети. Сопровождающего генерала Дариуса Харрана отстранить от маршрута до завершения проверки. Корабль «Тайр» задержать в пограничном доке. Основание: неконтролируемый живой интерфейс предположительного риска.

Дариус прочитал приказ дважды. Потом отключил звук входящего вызова и посмотрел на причал через обзорный экран. Станция висела впереди серой скобой, вся в ремонтных фермах и старых следах от микрометеоритов. На её борту зажглись огни принудительного захвата.

— Плохие новости? — спросила Ария.

— Люмирский язык стал хуже.

Лира протянула руку.

— Можно?

Он передал ей копию. Она пробежала взглядом по строкам и поморщилась.

— Живой интерфейс. Как удобно. Человек звучит лишним.

— Именно.

На экране снова вспыхнул вызов. На этот раз личный. Сайра Рут.

— Дариус, приказ видел?

— Да.

— Тогда выполняй. Верни Арию на центральный узел.

— Нет.

Сайра задержала взгляд на его лице.

— Ты даже не спросишь, почему?

— В приказе написано. Там достаточно.

— Там написано мягче, чем будет в следующей версии. После поддельной передачи Лейлы три нейтральных узла закрыли маршруты. Ардин требует открытого доступа к данным Карасса. Вейран предлагает независимую экспертизу. Если Ария продолжит идти вне контроля, её объявят причиной распада.

— Вы начали.

— Я пытаюсь удержать формулировку в пределах, где её ещё можно будет снять.

— Тогда убери «живой интерфейс».

— Не я писала этот пункт.

— Но ты передаёшь приказ.

Сайра не ответила сразу. Дариус видел, как она устала. Это не делало приказ лучше.

— Центральная изоляция не тюрьма, — сказала она. — Это контур без выхода в Голосеть. Там её не достанет ни Вейран, ни Ардин, ни мёртвые каналы Карасса.

Ария подняла голову. Дариус не обернулся, но почувствовал, как она слушает.

— Там её достанут те, у кого будет ключ от двери, — сказал он. — Разница только в форме допуска.

— На «Тайре» она не защищена.

— В медицинском блоке её пытались украсть через поддельный маршрут. В доке — пометить гравиядро. У Ксар-Раха нас ждал вейранский след. Ты хочешь вернуть её в систему, которую враг читает быстрее нас.

— Я хочу, чтобы она не стала поводом для войны.

— Повод сделали. Не из неё. Из подделки.

Сайра наклонилась к экрану.

— Послушай меня не как приказ. Если ты уйдёшь сейчас, я не смогу назвать это инспекцией. Не смогу прикрыть тебя техническим допуском. Ты потеряешь командование, а Ария получит статус неконтролируемого доступа. После этого любой узел сможет закрыть перед вами кольцо.

— Если я останусь, её заберут.

— Да. Но живую.

Дариус посмотрел на экран приказа.

— Живую вещь?

— Не делай этого.

— Я не спорю с тобой, Сайра. Я спорю с формулировкой приказа. Пока Ария указана как интерфейс, приказ незаконен по отношению к гражданскому лицу.

— Комиссия скажет, что она не обычное гражданское лицо.

— Комиссия может сказать, что гравимотор — домашнее животное, если это поможет ей получить допуск.

Тален высунулся из-под панели.

— Прошу не втягивать гравимотор. Он и так нервный.

Сайра услышала и резко выдохнула. Смех, но короткий.

— Харран, у меня нет времени на твой ремонтный театр.

— У меня тоже. Левый контур греется, а причал включает принудительный захват.

— Захват не будет жёстким, если ты подчинишься.

— А если не подчинюсь?

— Тогда станция заблокирует шлюз, а мой корабль станет между вами и выходом к кольцу.

В рубке стало тихо. Даже Тален не сказал ничего лишнего.

Дариус открыл вторую схему. У станции было два выхода: официальный, через причальный створ, и старый грузовой канал, закрытый после аварии. Для активного хода он не годился. Для холодного дрейфа — мог сработать, если снять стабилизаторы и пройти без двигателя.

— Сайра, — сказал он, — отзови принудительный захват.

— Не могу.

— Тогда не мешай мне не убить людей на причале.

— Что ты делаешь?

— Объявляю «Тайр» зоной аварийной навигации.

Она резко повернулась к кому-то за кадром.

— Закройте его служебный доступ.

Дариус ожидал этого. Он заранее снял копию приказа, открыл старый флотский протокол и ввёл основание: повреждение гравимотора, наличие нестабильного артексилевого груза, риск детонации при внешнем захвате.

Система потребовала подтверждение механика. Тален приложил ладонь к панели.

— Подтверждаю, — сказал он. — Если нас схватят фермы причала, левый контур может сорваться. А если не сорвётся, я лично его пну, чтобы не портить генералу отчёт.

— Тален, — сказал Дариус.

— Понял. Без пинка в официальной части.

Лира подняла контейнер с осколком.

— Подтверждаю нестабильный артексилевый груз. В случае внешнего захвата возможен живой расчёт с непредсказуемым откликом.

Тален посмотрел на неё.

— Это правда?

— Частично.

— Люблю науку. Она врёт длиннее меня.

Ария молча сняла серый медицинский браслет комиссии и положила его на стол. На коже остался след от крепления.

— Подтверждаю, что являюсь гражданским лицом и не даю согласия на передачу себя как технического объекта, — сказала она. Голос прозвучал тихо, но без срыва.

Дариус внёс её фразу в протокол полностью. Система мигнула. Люмирский закон любил слова «не даю согласия». Они портили красивые приказы.

На экране вспыхнуло новое окно: причальный док запросил право входа нейтральной экспертной группы. Дариус нахмурился.

— Нейтральная экспертиза? — спросил он.

Сайра на связи резко подняла голову.

— Я не отправляла экспертов.

Дариус вывел изображение внешней камеры. К доку подходил малый катер без флагов, с маркировкой технической службы. На борту висела эмблема независимого аудита, но боковой свет на секунду задел корпус, и под свежей краской проявились три вложенных угла.

Вейран.

— Вот почему они торопят приказ, — сказал Дариус.

Сайра увидела то же самое. Её лицо изменилось.

— Я заблокирую им вход.

— Не успеешь.

— Тален, отстыковка без двигателя, — сказал Дариус.

— Мы ещё не пристыкованы.

— Значит, нам проще.

— Нет, генерал. Это значит, что нас болтает перед причалом, левый контур греется, а ты хочешь пройти через грузовой канал, который закрыли после аварии.

— Именно.

— Уточнил, насколько ты сегодня оптимист.

Дариус перевёл корабль в режим флотской немоты. Все внешние каналы погасли, кроме аварийного протокола. Рубка стала другой. Без постоянного шума связи корабль казался меньше, ближе к людям внутри.

Сайра всё ещё была на внутреннем окне. Связь держалась через защищённый флотский слой.

— Дариус, если ты уйдёшь в немоту, станция решит, что корабль захвачен.

— Пусть решит, что корабль не отдаёт управление внешнему захвату.

— Я обязана остановить тебя.

— Тогда останови Вейран раньше.

Снаружи вейранский отряд входил в доковый коридор станции. Один из них поднял устройство подавления. На экране «Тайра» на миг вспыхнула чужая команда: «Передать медицинский объект экспертной группе».

Ария побледнела.

Дариус отключил команду вручную.

— Они даже слово не сменили, — сказала Лира. — Медицинский объект. Очень нейтрально.

— Тален, грузовой канал.

— Считаю. Если пойдём двигателем, нас размажет о ферму. Если пойдём в холодный дрейф, нас может развернуть. Если ничего не делать, нас заберут те симпатичные специалисты с подавителем.

— Выбираем второе.

— Я так и боялся, что у нас будет демократия из плохих вариантов.

Дариус занял пилотское кресло. Тален перевёл гравимотор в нулевую тягу и отдал корабль инерции. На внешнем экране станция медленно поплыла в сторону. Огни принудительного захвата пытались поймать корпус, но «Тайр» уходил ниже, к тёмному грузовому каналу.

— Ближе к ферме, — сказала Ария.

— Вижу.

— Нет, левее. Там поток другой.

Дариус не стал спрашивать, откуда она знает. После Ксар-Раха и формулы Лире такие вопросы только отнимали время. Он дал полградуса влево, не включая двигатель. Корпус скользнул между двумя старыми балками. По обшивке прошёл скрежет.

Тален зажмурился.

— Я не слышал этого. Корабль тоже не слышал. Мы все выше этого.

Лира удерживала контейнер с осколком обеими руками. Синий свет внутри шёл в такт риверионской волнограмме. Он не вёл корабль, но показывал, где дрейф будет живым, а где их разорвёт чужая гравитация.

Вейранский отряд появился у обзорного окна дока. Один из людей поднял руку с коротким импульсным устройством. Луч ударил по корпусу «Тайра», но флотская немота закрыла внешние команды. Система только качнулась и выдала оскорблённое предупреждение.

— Они пытаются срезать наш аварийный протокол, — сказал Тален.

— Пусть попробуют, — ответил Дариус. — Он старше их патентной гордости.

Сайра исчезла с экрана. Через секунду впереди, за станцией, возник её узловой корабль. Он разворачивался медленно, но достаточно, чтобы перекрыть прямой выход к гиперкольцу. Орудия не светились. Пока.

Ария посмотрела на экран.

— Она выстрелит?

Дариус не ответил сразу. Он знал Сайру. Она могла выстрелить рядом, могла сбить ход, могла остановить их так, чтобы никто не погиб. Но если в приказе стоял федеральный мандат, за её спиной были люди, которые назовут промедление предательством.

— Не по нам, если будет выбор, — сказал он.

— А если выбора не оставят?

— Тогда сделаем так, чтобы он появился.

Грузовой канал вывел их под нижнюю ферму станции. «Тайр» дрейфовал без двигателя. Несколько секунд они были ничем на фоне старого металла.

— Дальше нужна тяга, — сказал Тален. — Очень маленькая. Такая маленькая, что двигатель обидится.

— Дай.

Гравимотор едва толкнул корпус. «Тайр» вышел из тени фермы. Перед ними открылся путь к кольцевой тени за станцией. Там навигация слепла, но зато их не смогли бы взять штатным захватом.

Сайра снова вышла на связь. Теперь без изображения, только голос через аварийный слой.

— Харран, остановись. Последнее предупреждение.

— У нас на борту нестабильный груз и гражданское лицо, которое пытаются передать вейранскому отряду под видом экспертизы.

— Вейранский отряд задержан на станции.

— Хорошо. Теперь убери корабль с выхода.

— Не могу.

— Можешь. Ты ещё не включила орудия.

Пауза длилась три удара сердца. Потом на экране «Тайра» вспыхнули метки: узловой корабль Сайры включил блокирующий контур, но не навёл оружие. Она закрывала им официальный путь, но оставляла узкую щель к кольцевой тени.

Тален увидел её и тихо присвистнул.

— Адмирал очень сердится аккуратно.

— Идём в щель, — сказал Дариус.

— Щель размером с моё терпение. То есть маленькая.

— Проведи.

Тален дал короткий импульс. «Тайр» нырнул под блокирующий контур. Станция ушла назад. Узловой корабль Сайры оказался сверху, огромный и неподвижный. Несколько секунд Дариус видел его броню так близко, что мог различить ремонтные швы после Карасса.

Потом они прошли.

Сзади вспыхнул широкий импульс. Не выстрел. Предупреждение. Он ударил по пустому участку, где «Тайр» был бы, если бы Дариус пошёл официальным выходом. Для отчёта Сайра пыталась остановить беглецов. Для тех, кто знал траекторию, она стреляла в покинутую точку.

Ария поняла это тоже.

— Она нас отпустила.

— Она не остановила, — сказал Дариус. — Это разные вещи.

— Для отчёта?

— Для совести тоже.

На экране появилась новая строка от Сайры. Не личное сообщение, а общий статус для узлов Дуги. Дариус открыл его, хотя знал, что увидит.

«Ария Целестина. Статус: неконтролируемый доступ. Все узлы обязаны ограничить прямой пропуск до подтверждения безопасности. Сопровождающий: генерал Дариус Харран. Проверка полномочий при первом контакте».

Тален тихо выругался.

— Теперь нас любят официально?

— Теперь нас официально не знают, — сказала Лира.

— Это из-за меня, — сказала она.

— Это из-за приказа, — ответил Дариус.

— Ты потеряешь командование.

— Возможно.

— Дариус.

Он повернулся к ней. В рубке мигал аварийный свет, гравимотор работал на пределе малого режима, впереди темнела кольцевая тень. Красивые ответы часто плохо держались под огнём.

— Если командование требует передать тебя как объект, значит, сегодня я плохо подхожу для такого командования.

Она ничего не сказала. Только положила ладонь на край кресла, будто удерживала не себя, а весь корабль.

Лира проверила контейнер с осколком.

— Риверионская волнограмма держится. Но после этого статуса официальный маршрут умер.

— У нас остался слепой переход, — сказал Тален.

— Он был запасным вариантом, — ответил Дариус.

— Запасные варианты обычно лежат в ящике и ждут, когда все умные решения закончатся. Поздравляю, ящик открыт.

Сзади станция уменьшалась. На её фоне двигались огни задержанного вейранского катера. Сайра не стреляла по ним. Но её статус ушёл по всем узлам. Люмира больше не прикрывала их именем порядка. Ардин получит повод кричать о пленнице и предательстве. Вейран получит охоту, в которой каждый закрытый маршрут толкнёт «Тайр» туда, где его легче ждать.

Дариус отключил общий приём, оставив только внутренний контур. В рубке стало тише. Флотская немота легла на корабль, как плотная ткань. Теперь они были не частью маршрута, а маленькой точкой в тени кольца.

— Курс? — спросил Тален.

Дариус посмотрел на Ариины руки, на контейнер Лире, на старую волнограмму Ривериона. Потом открыл ручную карту и убрал все красные официальные пути. Осталась одна тёмная линия через нестабильный участок.

— К кольцевой тени, — сказал он. — Дальше пойдём вслепую.

«Тайр» ушёл в холодный дрейф за нижним краем станции. Позади Сайра передавала узлам приговор, который не смогла не передать. Впереди начинался маршрут, где ни флот, ни комиссия, ни чужие патенты не могли обещать им безопасного имени.

Глава 9. Слепой переход

«Тайр» вошёл в кольцевую тень без ходовых огней. Снаружи не было обычной черноты маршрута. Пространство вокруг корабля казалось мутным, будто старое гиперкольцо оставило после себя не проход, а шрам. Датчики показывали обломки сигналов, ложные маяки и чужие маршруты, которых здесь не должно было быть.

Ария сидела в боковом кресле и держала ладонь на ремне безопасности. Метка в общей сети сделала своё дело: неконтролируемый доступ. Так подписывали опасный груз, сбойный узел или военный риск. Теперь этим словом называли её.

Дариус вёл корабль вручную. Тален стоял у гравимотора и следил за левым контуром. Лира закрепила контейнер с ксар-рахским осколком на столе и положила рядом графитовую пластину. На ней удерживалась формула, за которую она заплатила памятью о лице наставника.

Флотская немота отрезала их от приказов Сайры, криков узлов и фальшивого голоса Арии в Голосети. Но тишина не была пустой: в ней работал гравимотор, стучала по корпусу кольцевая пыль, а внутри контейнера дышал осколок.

— Навигация слепнет, — сказал Тален. — Главный экран показывает три прохода. Запасной — семь. Старый аварийный предлагает нам повернуть назад и извиниться перед всеми, кого мы огорчили.

— Главный экран отключить, — сказал Дариус.

— Я правильно услышал?

— Он врёт красиво. Это опаснее.

Тален отключил главный экран. Рубка стала темнее. Остались ручная карта, риверионская волнограмма и узкая линия гравимоторного хода. Корабль теперь видел меньше, но и ложь видел хуже.

Лира наклонилась к контейнеру.

— Ария, сейчас не говори. Даже если услышишь что-то знакомое.

— Почему?

Голос вышел тихим, но горло отозвалось болью.

— Голос Карасса может попытаться помочь словами. Нам нужна не речь. Нам нужен поток.

— Я не навигатор.

— Сегодня это преимущество.

Тален хмыкнул.

— Отлично. Корабль в слепой зоне, карта врёт, а вести нас будет человек, который не навигатор. Если выживем, хочу табличку: «Тален был против, но профессионально».

Ария положила вторую ладонь на край кресла и закрыла глаза. Сначала ничего не было. Только гул корабля и собственное дыхание. Потом под гулом проявился другой ритм: слабое движение, похожее на воду под льдом.

Осколок Ксар-Раха ответил синим пульсом. Графитовая пластина у Леры тихо щёлкнула. Знак Нивендры вытянулся в линию. Голос Карасса в закрытом модуле не заговорил, но отдал тяжесть чужого долга. Риверионская волнограмма поднялась на экране и пошла в такт корабельному ходу.

— Есть отклик, — сказала Лира. — Нивендра держит имя. Карасс держит долг. Ксар-Рах даёт форму. Риверион ждёт вопрос.

— Какой вопрос? — спросил Дариус.

— Не знаю. И это честный ответ.

Корабль качнуло. На боковой панели вспыхнуло предупреждение: срыв маяка. Потом второе: дрейф курса. Третье Тален отключил сам, не читая.

— Нас тянет к ложному проходу, — сказал он. — Старый кольцевой след. Если дать ему ещё пять секунд, он сделает вид, что он Риверион, а потом мы станем памятником оптимизму.

Дариус дал малый импульс. Гравимотор ответил рывком. Ария почувствовала, как корабль идёт не туда. Не глазами, не телом, а водным ритмом, который стал ближе после Ксар-Раха.

— Правее, — сказала она.

— На правом борту пылевой разлом, — ответил Тален.

— Правее.

Дариус повернул. Корабль прошёл рядом с невидимым разломом. Щиты зашипели от мелких ударов, но курс выровнялся. На экране ложный проход погас. Вместо него на мгновение появилась тёмная глубина и слабые огни под водой.

— Там, — сказала Ария.

— Координата? — спросил Дариус.

— Нет. Ощущение.

Лира смотрела на формулу.

— Повторяется первый слой. Теперь нужен второй. Ария, снова молчи. Не тяни Голос Карасса наружу.

— А если он сам?

— Тогда слушай, но не отвечай.

Это оказалось труднее. Внутри поднимался карассовый шум: металл, обрывки фраз, чужие последние минуты. После статуса в общей сети голоса будто стали ближе. Может быть, потому что вокруг снова решали, кому принадлежит её голос.

Левый борт открыт. Не закрывайте канал.

Ария сжала зубы.

Передайте им, что мы не мятежники.

Она не ответила. Слушала. Голос ударился в тишину и изменился. Фраза потеряла боль последних секунд и стала частью ритма. Карасс больше не кричал. Он держал долг.

Знак Нивендры на пластине вспыхнул. Ксар-рахский осколок поднял синий свет. Риверионская волнограмма сложилась с ними, и на экране появилась короткая фраза. Прибор перевёл её с задержкой.

«Вода помнит тех, кто не пришёл владеть».

Лира прочитала и побледнела.

— Это риверионский слой.

— Что он значит? — спросил Дариус.

— Что нас ещё не отвергли.

Тален быстро посмотрел на боковой монитор.

— Хорошо бы, чтобы нас ещё и физика не отвергла. У нас впереди сжатие тени.

Кольцевая тень перед кораблём свернулась в тёмный изгиб. Датчики перестали показывать расстояние. Щиты то набирали нагрузку, то проваливались в пустоту.

Ария увидела перед собой не рубку, а воду. В этой воде были огни. Они не звали и не угрожали. Они ждали, кто придёт: хозяин, вор или проситель.

— Нас разворачивает, — сказал Дариус.

— Стабилизатор не держит, — ответил Тален. — Если дам больше тяги, нас увидит станция. Если не дам, нас затянет в старый след.

— Дай мало.

Гравимотор толкнул корабль. «Тайр» пошёл боком. По корпусу прошёл длинный скрежет. Лира удержала контейнер обеими руками, но осколок внутри начал биться чаще.

— Он не выдерживает, — сказала она. — Шифр пытается открыть проход, а мы давим на него как на замок.

Ария поняла это раньше, чем Лира договорилась. Вся их дорога снова превращалась в привычную ошибку: найти, взять, открыть, пройти. Так действовала власть. Так действовал страх.

Она отстегнула ремень.

— Ария, сидеть, — сказал Дариус.

— Если я буду сидеть, нас разорвёт.

— Это не доказательство.

— Знаю.

Она поднялась, держась за спинку кресла. Корабль качнуло, и её бросило в сторону. Дариус успел поймать её за локоть, не отворачиваясь от панели.

— Что ты делаешь?

— Не командую.

— Выглядит опасно похоже.

— Тогда не мешай мне делать это плохо.

Тален выдохнул сквозь зубы.

— Если это план, он мне не нравится. Если не план, то тоже.

Ария подошла к столу Лире. Осколок пульсировал под крышкой. Графитовая пластина светилась у края, а риверионская волнограмма заполнила экран. Четыре следа были рядом, но не складывались полностью. Им не хватало не силы. Им не хватало обращения.

— Открой контейнер, — сказала Ария.

— Нельзя касаться осколка.

— Я не буду.

— Он реагирует на тебя.

— Поэтому и не буду брать.

Дариус удерживал корабль на грани старого следа.

— У нас двадцать секунд.

Лира открыла контейнер на один щелчок. Синий свет вышел в рубку. Он лёг на руки Арии, на панель, на лицо Дариуса, на графитовую пластину. Голос Карасса в модуле поднялся, но не прорвался. Риверионская волнограмма пошла глубже, и Ария впервые почувствовала не память, а присутствие.

Её могли бы назвать наследницей. Доступом. Угрозой. Живым интерфейсом. Все эти слова ждали рядом, готовые лечь на неё удобной печатью.

Она выбрала другое.

— Мы не пришли открывать тебя приказом, — сказала Ария тихо. — Не пришли брать воду в расчёт и делать из памяти право. На корабле живые люди. Один держит путь. Одна сохранила формулу ценой памяти. Один чинит двигатель, который давно просит честного отдыха. Я не прошу за Дом Синен. Я прошу пропустить нас как тех, кто ещё может не повторить старую ошибку.

Корабль резко провалился вниз. В рубке погас свет. На миг исчезли все экраны, и Ария осталась в полной тёмноте. Горло сжало. Голос Карасса толкнулся к губам, но она не дала ему выйти. Сейчас нельзя было говорить за мёртвых. Нельзя было ставить их боль впереди чужой воды.

В тёмноте ответил Риверион.

Не словами.

Сначала пришло давление, как на глубине. Потом ритм: вдох, пауза, мягкое движение вокруг корпуса. Потом короткая фраза, которую не произнесли, а дали понять всем сразу.

Живые не входят как владельцы.

Ария едва удержалась на ногах.

— Мы войдём без права владеть, — сказала она.

Свет вернулся. На экране перед Дариусом появилась не карта, а узкая живая линия. Она проходила через сжатие тени и уходила дальше, за пределы обычной навигации. Тален увидел её и дал малый импульс.

— Держу. Не знаю что, но держу.

— Дариус, — сказала Лира, — по этой линии. Не спорь с ней.

— Не планировал спорить с водой.

«Тайр» вошёл в слепой переход.

В обычном гиперпереходе корабль будто выпадал из одного места и входил в другое. Здесь всё было иначе. Пространство не открылось. Оно пропустило. Щиты не сгорели, но стали прозрачными для чужого ритма. Гравимотор не тянул корабль вперёд, а подстраивался под линию, которую показывал осколок.

Ария вернулась в кресло, но ремень не застегнула. На экранах плыли образы, которые не укладывались в навигацию: детские надгробия Нивендры, горящий борт у Карасса, кристаллический узел Ксар-Раха, тёмная вода Ривериона. Всё это не смешивалось. Каждый след оставался собой, и только порядок между ними делал путь возможным.

Лира записывала одной рукой. Вторую держала у виска, будто боялась потерять ещё одну часть памяти.

— Живой расчёт не строит маршрут, — говорила она быстро. — Он проверяет, кто идёт. Нивендра подтверждает имя, но не власть. Карасс подтверждает долг, но не мечь. Ксар-Рах подтверждает форму, но не владение. Риверион подтверждает живой слой. Без него Мальзаара откроет зал неправильного входа.

— Лира, дыши, — сказал Тален.

— Я дышу научно.

— Звучит вредно.

Корабль тряхнуло. На правом борту вспыхнуло предупреждение о повреждении щита. Дариус вывел ручную компенсацию.

— Линия сдвигается.

Ария снова услышала ритм воды. На этот раз в нём была не только просьба, но и проверка. Риверион не хотел принимать тех, кто нёс за собой войну. А они несли: статус, подделку, Вейран, Федерацию Люмира, долг Карасса. За ними тянулось много чужих рук.

— Он чувствует охоту, — сказала Ария.

— Кто? — спросил Дариус.

— Риверион. Или то, что ведёт нас к нему.

— Что ему нужно?

Ария закрыла глаза. Внутри поднялся образ огней под водой. Они не приближались. Они ждали ответа.

— Чтобы мы не привели за собой хозяев.

Тален коротко рассмеялся без веселья.

— Тогда у нас плохие новости. За нами половина Дуги, и каждая с документом.

— Не документы, — сказала Лира. — Намерение.

Дариус понял первым.

— Отключить все внешние метки.

— Мы и так в немоте, — сказал Тален.

— Не связь. Метки статуса. Флотские, медицинские, комиссионные. Всё.

— Если мы всё срежем, нас потом не узнает ни один нормальный узел.

— Нас знают неправильно.

Дариус отсек от панели медицинский ретранслятор. Лира отключила белый маяк Ордена. Тален отключил флотский идентификатор «Тайра».

— Всё. Теперь мы официально дорогой мусор с плохим характером.

Риверионская линия стала ярче.

Корабль прошёл через второй изгиб. Пространство вокруг потемнело, потом вдруг стало прозрачным. Ария увидела не звёзды, а огромное тёмное поле воды, будто оно лежало прямо под ними, хотя переход ещё не закончился. В воде двигались световые нити. Они складывались в круги и расходились снова.

Голос Карасса в модуле зашумел. На этот раз он был спокоен.

Мы не мятежники. Мы свидетели.

Ария не повторила вслух. Она дала этой фразе пройти через себя и уйти в воду. Не как приказ. Как подтверждение.

На экране появилась короткая риверионская фраза. Приборы не смогли перевести её полностью. Лира поймала только часть:

«Те, кто помнит боль, входят тише».

— Это нам? — спросил Тален.

— Всем, кто пришёл громко, — ответила Ария.

Слепой переход сжал корпус. Где-то внизу треснула внутренняя панель. Тален бросился к гравиядру и ругнулся так, что Лира даже подняла голову.

— Переведи, — сказала она.

— Нет. Это древняя инженерная молитва.

Дариус держал курс. Ария смотрела на его руки и впервые за долгое время почувствовала не страх за себя, а страх за всех сразу. Если её ошибка сорвёт шифр, пострадает не только она.

— Лира, — сказала Ария. — Если мы выйдем, запиши: доступ без приказа.

— Что?

— Так назови этот слой. Не наследный, не военный, не фракционный. Доступ без приказа.

Лира быстро записала.

— Хорошо. Но если Орден спросит, я скажу, что название придумала в состоянии артектического ожога.

Линия на экране расширилась. Впереди открылось светлое пятно. Гравимотор замедлился сам, без команды. Дариус попытался вернуть ручной контроль, но система мягко не приняла его движение.

— Не дави, — сказала Ария.

Он убрал руку с тяги.

— Не давя.

— Тебе трудно.

— Очень.

— Спасибо.

Переход отпустил.

Не резко, не с толчком, а как вода отпускает тело к поверхности. «Тайр» вышел в обычное пространство над планетой, которая сначала казалась чёрной. Потом обзорные экраны очистились, и Ария увидела Риверион.

Мир был покрыт водой. Не ровной и пустой, а живой, глубокой, с длинными тёмными течениями. В атмосфере висели слабые серебристые слои. На орбите не было плотной обороны, только старые маяки, которые не признали корабль. Один маяк повернулся к ним, мигнул и погас. Другой ответил ритмом, похожим на дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.